

1870

1870

1870

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ, P-3

или

H-284

ГОРСКИЕ КНЯЗЬЯ.

Сочиненіе

Василія Нарѣжнаго.

Vanitas vanitatum et
omnia sunt vanitas!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**Редкие
Книжки**

1944 г.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1 8 2 9.

**Отдел рукописей
Рос. Публ. Библиотеки
им. В. Г. Белинского
г. Сестрорецк**

№ 167305. М. № 1774 м.
И. № 1921

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по ошпечатаніи представ-
лены были въ Ценсурный Комитетъ три
экземпляра. Москва, Іюня 28го дня 1829 г.
Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ГЛАВА		Стран.
1 я.	Князя Кайшуки. - -	1
2 я.	Чудныя предложенія. -	8
3 я.	Княжескій Дворъ. -	17
4 я.	Первосвященникъ. -	23
5 я.	Чудо. - -	27
6 я.	Орденъ нагайки. -	35
7 я.	Княжескій Судъ. -	39
8 я.	Рѣшеніе. - -	44
9 я.	Дальнѣйшія зашѣи. -	47
10 я.	Уставъ ордена нагайки.	53
11 я.	Княжна Сафира. - -	55
12 я.	Помѣшательства. -	58
13 я.	Твердость и рѣшитель- ность. - -	64
14 я.	Плохо. - -	69
15 я.	Тайный совѣтъ. - -	74
16 я.	Новыя штатъи ордена нагайки. - -	83
17 я.	Кавалеры. - -	89
18 я.	Разномысліе въ Совѣтъ.	102

	Стран.
ГЛАВА 19я. Одно важнѣе другаго.	107
----- 20я. Умноженіе доходовъ.	- 113
----- 21я. Вооруженіе.	- - 118
----- 22я. Сраженіе.	- - - 127
----- 23я. Неожиданная встрѣча.	138
----- 24я. Гостепріимство.	- - 146
----- 25я. Соперникъ.	- - - 153
----- 26я. Кругомъ виновашъ.	- 159
----- 27я. Нечаянная помощь.	- 167
----- 28я. Разборчивая жена.	- - 173

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ.

Г Л А В А I я.

Князь Кайтуки.

Если вѣснть достоинство моего происхожденія на вѣсахъ истины, на которыхъ всегда кажется должно быть взвѣшивается всякое достоинство, то въ семъ отношеніи не уступлю я ни самому Моголу Великому, не говоря уже о мѣлкихъ Азіяскихъ владѣльцахъ, о коихъ послѣ довольно слышался.

Родитель мой былъ одинъ изъ важнѣйшихъ Князей, владѣвшихъ на крутизнахъ славныхъ горъ Кавказскихъ. Онъ называется именемъ своего отца, дѣда, прадеда и всѣхъ предковъ — Кайшукъ, и въ честь ихъ шѣнямъ назвалъ и меня симъ почтеннымъ именемъ, которое одно, по мнѣнію всѣхъ

Часть I.

А

его подданныхъ, подавало надежду, что я буду добръ, честень, храбръ и — щасливъ!

Обширное владѣніе опца моего проспиралось по крайней мѣрѣ на двадцашь спадій въ окружности, и подданныхъ было не менѣе спадомовъ. — Кто нибудь скажешъ: это весьма не много! Но развѣ не все равно, если бы ихъ было и нѣсколько тысячъ? Бышь обладашелемъ одного или сопни подобныхъ себѣ сущесствъ, кажешся, не соспавляешъ большой разности. У него были два верблюда, которыхъ называль онъ горбашыми слонами, до спа горскихъ лошадей и довольно число быковъ и коровъ; а овецъ, барановъ, козловъ и козъ — шьма шьмушая.

Въ первой молодости я наслышался, что явленіе мое на свѣшъ сколько обрадовало моихъ родителей, сполько вмѣспшъ съ шѣмъ и опечалило. Верховный жрецъ боговъ нашихъ, Маркубъ, по высокой наукѣ предузнавашъ будущее и по-

нимашь языкъ звѣздъ, въспровъ и прочихъ небесныхъ и земныхъ явленій, предсказалъ, что какъ только исполнился мнѣ двадцать пять лѣтъ, то слѣдующій за шѣмъ годъ будешь для меня — *Годъ Черный*. — Такое предвѣщаніе сильно возмутило разумъ моей матери: она часто воображала о бѣдсвѣяхъ, въ будущемъ мнѣ угрожавшихъ, и печалилась въ настоящемъ; а когда перешель я на двадцать первый годъ возраста, то она занемогла и скоро переехалась въ обласши шѣней.

Остальное время до моего чернолѣшія прошло въ обыкновенныхъ занятіяхъ, приличныхъ людямъ моего сана и возраста. Я сдѣлался великимъ искусникомъ ѣздить верхомъ, мешашь копья, сшрѣляшь изъ лука и дѣлашь самыя шрудныя увершки, для добраго борца необходимыя.

Наконецъ — въ двадцать шестой разъ въ жизни моей — на-

спалъ двадцать пятый день мѣсяца Барана, въ кошорой я впервые вздохнулъ наружнымъ воздухомъ. Сердобольный родитель мой — по совѣшу мудраго Маркуба — принесъ богамъ великолѣпную жерпву, угостилъ народъ щедро, а главнѣйшихъ бояръ и жрецовъ оставилъ пировать за своими сполами. — По окончаніи ѣды и пишья Маркубъ въ ушѣшеніе Князя повѣдалъ, что боги наши, милоспиво взирая на его набожность, по числу овецъ и барановъ, на жерпву имъ принесенныхъ, открыли способъ, какъ можно побѣлишь черноту наспушившаго для меня года, и что если молодой Князь выполнитъ ихъ велѣнія, то вмѣсто нещасій, ему угрожающихъ, узришь всѣ блага міра лицомъ къ лицу.

На другой день послѣ сего пира родитель мой вдругъ разболѣлся и почувспвовалъ близкій приходъ вѣспника новой жизни, кошорый вынесешъ его изъ земной

темницы и водворилъ въ странѣ свѣта. Маркубъ предсталъ къ одру болящаго и спросилъ его: кто есть Макукъ? — Обладатель грома и молній, дождя и вѣтровъ и всего небеснаго и поднебеснаго! — А Кукамъ? — Такой же обладатель страны преисподней, гдѣ самый сильный огонь производилъ непроницаемый мракъ и несперпимую спужу! — Дѣльно! а что они въ обласняхъ своихъ дѣлаютъ? — Ъдятъ шешлыкъ (*) самый горячій и пьютъ просяную водку. — Хорошо! чѣмъ опличаешься одинъ отъ другаго? — Небесный Макукъ имѣетъ видъ челоука съ козлиною бородою, глаза синіе, а ноги пѣшущи; подземный же Кукамъ есть не что другое, какъ огромная лягушка со змѣинымъ

(*) Шешлыкъ — употребительнѣйшее кушанье, и состоитъ изъ небольшихъ кусковъ мяса, нанизанныхъ на деревянный вертелъ, которые поджариваютъ на горящихъ угольяхъ.

хвостомъ и бычачьими рогами, сидящая верхомъ на слѣпнѣ. — Не лъзя лучше! чего она оба ошь насъ правовѣрныхъ шребуюшь? — Макукъ хочешъ, чшобы мы какъ можно чаще приносили въ жерпвы самыхъ жирныхъ барановъ; а Кукамъ еверхъ шого совѣшуешъ не жалшь просяной водки! — Прекрасно! чшо ошкажешъ шы на украшеніе храма боговъ, или попросту: на прокормленіе жрецовъ и прикрышія нагошы мужей сихъ богоугодныхъ? — Повелѣваю выданы каждому десяшь юзлуковъ (*), по новой буркъ (**), и ошпустишь по двѣ овцы и по два кувшина просяной водки! — Превосходно! шеперь разрѣшаю узы жизненныя и дозволяю ошправиться въ черного великаго Макука. Да содѣлаешся шамъ чрево швое споль же проспранно, какъ Асидная пещера на

(*) Юзлукъ — Персидская монета, равняющаяся нашему рублю мѣдью.

(**) Бурка — родъ войлочнаго плаща.

шего храма, дабы могъ шы вкусить истинныя наслажденія, поглощая однимъ разомъ по нѣскольку жареныхъ барановъ и выпивая по цѣлому буйволиному шулуку (*) просяной водки. Родитель мой, принявъ сіе благословеніе, ошошелъ ошъ міра сего съ лицомъ обольщающей всякаго, а особливо умирающаго, — надежды. Да и кого не прельстили бы наслажденія, Маркубомъ обѣщанныя? — Съ подобающими высокому званію покойнаго почестями предано было шѣло его погребенію, и я — какъ добродѣшельный сынъ, цѣлую недѣлю нещадно сшегалъ себя плѣшью (**).

(*) Тулукъ — кожанный мѣхъ.

(**) Сіи народы — какъ самъ я видѣлъ — по случаю смерти родешвенника или пріятеля оказываютъ сами надъ собою разныя ширанства. Мушны сшегающе плѣшью, а женщины деруть у себя волосы, шерзакшъ щеки и груди.

Г Л А В А 2 я.

Чудныя предложенія.

Когда кончились всѣ священныя обряды и горестнѣ моя мало по малу начала превращаться въ спокойное ощущеніе бышїя своего, Маркубъ, предспавъ ко мнѣ, сказалъ: Ннзъ Кайшукъ! шы долженъ вспомнншь, что двадцать пншый годъ жизни швоей, — по собшвенному моему предсказанію устами великаго Макука, имѣешь бышь для шебя Чернымъ Годомъ. Это говорнль я Маркубъ, первосвященникъ нашихъ боговъ, и словамъ моимъ необходимо надобно вѣрншь, хошя бы иногда казались они и безсмысленны. И такъ внимай! во весь наспушвшїй годъ жизни швоей не смѣй прикоснушься ни къ одной женской особѣ, не уношребляй въ пнщу ни куска бараннны или козляпнны, и въ пншье ни капли просяной водки. Пнща швоя да будешъ овсяный хлѣбъ, пи-

шіе — чистая вода изъ рѣки Терека. Всѣхъ пригоняемыхъ въ подарокъ шебъ козловъ и барановъ и приносимыя кувшины съ просяною водкою опсылай въ капище Макуково на пошребу боговъ нашихъ. Я беру на себя обязанность бышь ихъ угоспишелемъ какъ усшавъ предписываетъ.

Я онѣмѣлъ опъ такога нежданнаго предложенія, и — хопя былъ еще весьма довѣрчивъ ко всѣмъ словамъ Маркуба, но за споль невыгодное для меня условіе избавишься Чернаго Года, гошовилъ было опвѣчашъ ему прямо по Княжески, какъ одинъ изъ моихъ пѣлохранишелей, самый проворный изъ всѣхъ двѣнадцати, вѣбжавъ въ пріемную храмину, объявилъ, что Посоль Великаго Тибетскаго Далай - Ламы желаетъ имѣшь со мною свиданіе и повѣдашь волю своего владыки.

Давши знакъ, чшобъ Посла впустили, я величешвенно усѣлся на возвышенныхъ козлахъ, покры-

шыхъ пестрымъ ковромъ Аспраханскимъ ; взялъ въ правую руку изрядной величины кедровый пестъ, по обоимъ концамъ обитый въ Моздокъ листовымъ серебромъ, а лѣвую возложъ на рукоящъ меча булшнаго. Такъ въ случаяхъ военныхъ всегда дѣлывалъ вѣчнодостойный памяши родишель мой по примѣру великихъ предковъ своихъ ; шакъ сдѣлалъ и я для приняшя Тибешскаго Посланника, кошорый и не замедлилъ предспащъ предъ свѣшлыя очи мои.

Онъ былъ мущина пожилыхъ лѣшъ, малаго росша, но съ шакимъ чревомъ, какаго Маркубъ желалъ родишелю моему въ области Макука. Тѣло его покрывалось черною долгополою епанчею, и на обришой головѣ возвышался красный колпакъ, вышканный изъ козьяго пуху.

Посоль Тибеша, не сдѣлавъ мнѣ ни малѣйшаго наклоненія головою, началъ говорить шакъ : я называюсь Шишиморъ, и есмь Посоль величайшаго изъ владыкъ земныхъ —

Тибетскаго Далай - Ламы. Хотя онъ съдь и дряхль, однако шѣмъ не менѣе ликуешъ въ ложищахъ его великое множество красавиць изъ странъ всего свѣта. Онъ вѣчно здравствуетъ, хотя безпрестанно боленъ; онъ безсмертенъ (*), хотя умираетъ съ каждою проходящею минутою. Цари Индіи и могущіе Райи, съ благоговѣніемъ принадаю къ стопамъ сего державнаго мужа, съ восторгомъ лобызаютъ зеленые каблуки желтыхъ туфель его. Прелестнѣйшія Царицы почтутъ за верховное щасіе, когда онъ удостоитъ къ кошорѣи нибудь изъ нихъ прислать для вкуса завялое яблоко, или для обонянія нарцысъ заблекшей!

Онъ остановился, и я отвѣчалъ съ важностію: мнѣ же какая надобность, что Его святость — такая великая особа? Если онъ славенъ и щасливъ на своихъ коз-

(*) Индійскіе язычники вѣрятъ, что ихъ Далай - Лама безсмертенъ.

лахъ, подъ колпакомъ золопокован-
нымъ, ему же лучше! Онъ Далай-
Лама на равнинахъ Тибета, а я —
Князь Кайшукъ въ ущельяхъ Кав-
каза.

Ужасная хула! вскричалъ рев-
носпный Посоль: чшо значашъ
Кайшуки цѣлаго свѣша прошивъ
одного ногши Далай-Ламы? Всякъ
поклоняющійся Макуку и обожаю-
щій Кукама, непременно послѣ ихъ
долженъ поклоняшся Далай-Ламѣ
и обожашъ его! Сей намѣстникъ бо-
говъ на землѣ имѣешъ неоспоримое
право дарить небеснымъ царстві-
емъ, или посредствомъ ужаснаго
закляшя — предавашъ въ когти
Кукамовы не шолько Кайшука Кав-
казскаго, но и самаго Могола Ве-
ликаго. Впрочемъ вѣдай: если ты
добровольно покоришся власпи его
и обяжешся ежегодно въ казну его
плашишъ по спу юзлуковъ Персид-
скихъ, шо онъ будешъ опцомъ шво-
имъ и благодѣтелемъ. Ты можешъ
шогда дѣлашъ чшо шебѣ угодно,
не опасаясь мщенія ни ошъ боговъ,

ни опъ челоуѣковъ. Смѣло опни-
май у подданныхъ дочерей, грабь
Свъшлѣйшихъ сосѣдей и присвой
себѣ ихъ владѣнія; проливай кровь
всякаго шебѣ прошивнаго и почи
его слезы; раскаяніе къ шебѣ не
коснешся!

Слова сіи разлили въ сердце
моемъ какое-то спрванное чувство.
Это была смѣсь любочестія, спѣ-
си, гордоспи и — челоуѣчества.
Мнѣ правда и нравилось дозволе-
ніе повеселишься на счещъ поддан-
ныхъ и сосѣдей, но я и опасался
опъ нихъ возраженій, могущихъ
быть для меня весьма ощушитель-
ными. Посему я сказалъ: хоро-
шо, господинъ Посоль! не снаб-
дишь ли меня владыка швой въ нуж-
номъ случаѣ войскомъ и деньгами,
а безъ шого — самъ умный чело-
уѣкъ, знаешь — шрудно распола-
гашъ чужимъ имуществомъ.

Войскомъ? деньгами? опшѣчалъ
Посоль шакимъ голосомъ и съ шакимъ
видомъ, какъ будшо услышалъ
о чемъ крайне неожиданнымъ. —

Нѣтъ! говорилъ онъ съ усмѣшкою, ѡшаго не водишься и было бы уже слишкомъ несоразмѣрно. Весьма довольно, что онъ даетъ тебѣ свое позволеніе на побораніе враговъ и супоспашовъ, и силою своей свящоспи преклонишь тебѣ помощь боговъ швоихъ!

Дѣльно, сказалъ я; но когда его свящынн дѣлаешь мнѣ сіе одолженіе, то что помѣшаешь ему сдѣлать такое же и моимъ сосѣдямъ?

И конечно! онъ шаки черезъ меня по и сдѣлаешь!

И дашь имъ право распола- гать моимъ Княжеспвомъ и особою?

Если они будущъ себя щедрѣ!

А, а! такъ власпелинъ швой вѣшаешь свое благословеніе по тяжеспи юзлуковъ, ему подносимыхъ?

Такъ и должно! и самое простое учаспіе — чего нибудь споишь; а по посуди самъ — благословеніе Далай-Ламы! — Эшо, другъ мой Кайшукъ, по Европейски называешь полишика, — но шы еще молодъ, неопышенъ.

Онъ хотѣлъ было еще полковать со мною о полишкѣ, но я, оскорбленный его зашѣдливоспiю и невѣжливымъ выраженiемъ *друзь мой Кайтукъ!* безъ приложенiя звонкаго слова Князь, взбѣсился чрезмѣрно и спросилъ порывисто: а если я плюю на швои и швоего Ламы обѣщанiя и благословенiе его счищаю дешевлѣ горнаго луку?

Тогда шы съ душею и шѣломъ, съ родомъ и племенемъ — прокляшъ опнынѣ и до вѣка! шогда —

Остановись, велерѣчивый Посоль, — вскричалъ я внѣ себя опъ неисповой запальчивоспи; — усердiе швое досшойно награды опъ швоего повелшеля! Объяви ему какъ я шебя принялъ и одѣлилъ подарками; скажи, что если бы и самъ онъ предшаль шеперь предъ глаза мои, то не хуже угощенъ былъ бы!

Послѣ сихъ словъ соскочилъ я съ козелъ, опвѣсилъ пешомъ своимъ въ спину Посланника съ дю-

жину ловкихъ ударовъ и велѣлъ нѣкопорымъ изъ моей спражи проводить его плѣшми до границы моего владѣнія, до коей онъ долженъ былъ пробѣжать добрые полчаса, а если шяжелъ на ногу, то и цѣлый часъ.

Маркубъ весьма сурово смотрѣлъ на меня по неожиданности шаковаго пошупка. Князь! сказалъ онъ съ великимъ невѣжесшвомъ: понимаешь ли, что ты сдѣлалъ? это беззаконіе не изгладится и самую швоею смершю. Возможно ли? ты дерзнулъ поднять грѣшныя руки свои на поражение хребта Посольскаго! и чей Посланникъ сей? перваго жреца въ подсолнечной! Не то ли это значишь, что и самому Великому Макуку отшвѣсшь пощечину? Оле грѣха, недосшойнаго помилованія!

А почему такъ? вскричалъ я сердито; — если бы и самъ Далай-Лама своею высокою особою вздумалъ дѣлать мнѣ шакія же глупыя, насильшвенныя, несошвѣшшвен-

Мв. М. 1772 м 167305
 нья величію моему предложенія ,
 шо я ни на минушу не колебался
 бы одѣлишь его шакже , какъ и его
 кичливаго Посланника!

Послѣ сихъ словъ , произнесен-
 ныхъ швердымъ голосомъ , возвы-
 сить я жезлъ свой надъ жреческою
 спиною ; онъ опскочилъ шага на
 два , шѣлохранишели вышолкали его
 въ шею , и я , осшавшись одинъ ,
 началъ размышляшь о введеніи и со-
 храненіи надлежащаго порядка при
 высококняжескомъ Дворѣ своемъ.

Г Л А В А 3я.

Княжескій Дворъ.

Какъ общая дѣяшельность въ
 гражданствѣ естъ душа общаго
 устройсшва и покоя , шо на семь
 глубокомъ полишическомъ правилѣ
 всѣ дѣла мои были основаны. —
 Едва начинало солнце освѣщать
 вершины Кавказскія , уже поддан-
 ные и Княжескій Дворъ приходили

Часть I.

Оддѣл. Приходили
 Публ. Библиотеки
 М. В. Г. Владимірскаго
 г. Сербіи

въ великое движеніе. Одни передъ окнами моего спальнаго чершюга разводили большой огонь; другіе свѣжевали козляшъ и барашковъ, дабы за шешлыкомъ дѣло не стало; шреши съ Моздокскимъ кубикомъ прудились надъ выкурениемъ изъ проса водки. Когда появлялся я у окна, то человекъ пять шесть шѣлохранишелей начинали прубишъ въ мѣдные рора, выписанные предками моими изъ Персіи, для оширавленія шоржеспвенныхъ поклоненій въ храмъ Макука.

Съ молодыхъ лѣтъ слышался я о мудрости, богашествѣ и великолѣпнн Болванъ - Дула, Хана Аспраханскаго. Владѣлецъ сей ни въ чемъ не хонѣлъ усшуннш Шаху Персидскому, который, по носившейся о немъ молвѣ, малѣйшею частію своего великолѣпнн уничтожалъ во всякомъ надежду съ нимъ сравняшся. Но разумный человекъ на все найдетъ способъ. Въ чемъ не лѣзя сравнншся, въ шомъ можно подражашъ, хоня даже въ

одной наружности, которая нередко занимает мѣсто самой сущности, и часто съ большимъ блескомъ и прелекашельностію. — Когда Аспраханскій Повелитель не сумнилъ подражать Шаху Персидскому, шѣмъ менѣе я — по власти всемогущаго Макука Князь Кайшукъ, находилъ затрудненія въ подражаніи великолѣпному Болванъ-Дулу! Посему учреждено шакъ: знатнѣйшихъ вельможъ Двора моего, одного — нарѣкъ я Визиремъ (*), другаго Сардаромъ (**), шрешьяго Назиромъ (***) . Первый ошправлялъ дѣла внутреннія и заграничныя; шпорой предводилъ шивоваль моимъ воинствомъ; шрешій завѣдывалъ Государшвенными доходами и расходами.

Каждое утро, какъ скоро являлся я въ чертогъ Совѣша, шо

(*) Визирь — Верховный Министръ.

(**) Сардаръ — Военачальникъ.

(***) Назиръ — Великій Казнохранишель.

еспь въ огромномъ сараѣ, состоя-
 щемъ изъ чешырехъ снѣгъ, слѣп-
 ленныхъ изъ голышей и глины безъ
 всякой покрывки, дабы я и мои
 Совѣшники, въ сомнишельныхъ слу-
 чаяхъ, приводящихъ умы человѣ-
 ческіе въ замѣшательство, обра-
 щая взоры къ ошкрышному небу,
 могли непосредственно набирать-
 ся мудроси свыше, — когда, го-
 ворю, всшупалъ я въ сей черпогъ
 Совѣша, который въ весеннее и
 лѣшнее время обращенъ былъ на сіе
 важное упошребленіе, а особливо и
 зимою, когда спадали листьа съ
 дубовъ, буковъ и чинаровъ, и гор-
 ная шрава и каменные мхи покрыва-
 вались снѣгомъ, служилъ безопас-
 нымъ убѣжищемъ ошчасши гор-
 башымъ моимъ слонамъ, конямъ,
 быкамъ и коровамъ, а ошчасши
 баранамъ, козламъ, козамъ и овцамъ
 съ ихъ чадами, — когда, повшорю
 еще, всшупалъ я въ сіе свяшилище,
 шо Визирь мой Шамагуль, онъ же
 и насшавникъ въ высокомъ иску-
 сшвѣ управляшъ мудро подвласшны-

ми народами, и Сардаръ Бекшемиръ, величайшій изъ полководцевъ, уже преимущественно у огня съ Назиромъ и знаменнѣйшими изъ подданныхъ; два шѣлохранишеля всегда меня сопровождали. Тупь начинались пригошвенія шешлыка, а между шѣмъ мы забавлялись вкушеніемъ гошоваго уже божескаго просянаго напишка. Когда все подлежащее и предсposable было съдано и выпито, я открывалъ судъ моему народу, и будучи озаряемъ свѣтомъ разума своего и подкрѣпляемъ совѣтами опышнаго Шамагула, всегда произносилъ мудрыя сужденія.

Въ одно изъ первыхъ засѣданій прозорливый Визиръ Шамагуль сказалъ: шебъ извѣстно, Князь, что я, во время путешествій моихъ, бывалъ даже въ Асрахани, имѣлъ часто случай бесѣдовать съ мудрыми чужеземцами и приобрѣлъ довольно знаніе въ Европейской наукѣ Полишкѣ. Тамъ положено непремѣннымъ правиломъ, чтобы

владѣшельныя лица въ одной землѣ различались между собою щешомъ, слѣдуя порядку вспунленія въ управленіе своею обласшію. Обдумавъ сіе обшешельство, и справясь съ намяшію нашихъ спарожилловъ, а пѣ съ преданіями, полученными ошъ предковъ, мы нашли, что пы, — Свѣшлѣйшій Князь, — въ нашемъ владѣніи носилъ знаменное имя свое — по числу ошъ перваго — Князь Кайшукъ двадцашъ пышій. И шакъ не благоугодно ли будешъ шевъ къ имени своему всегда число сіе прикладывашъ? — Сіе важное предложеніе большишствомъ голосовъ одобрено и приняшо.

Такъ прошекли девашъ дней благословеннаго моего владычешствованія, и насташъ десяшій. День сей мы праздноуемъ свяно въ намяшъ шоржештва Макукова, кошорому нѣкогда, по досшавленнымъ извѣшшіямъ, злокозненный Кукамъ добрымъ порядкомъ нагрѣлъ зашылокъ и пощипалъ бороду, за что и ему

изрядно досталось въ десятый по-
слѣ шого день, ни ранше ни поз-
же, именно: онъ превращенъ въ
спрашную лягушку и посаженъ
верхомъ на слѣбня, какъ сказано
выше.

Г Л А В А 4 я.

Первосвященникъ.

Со всѣмъ Дворомъ и шѣлохра-
нишелями отправился я къ огром-
ной Аспидной пещерѣ, находящей-
ся внизу скалъ въ моемъ Княже-
ствѣ при берегѣ Терека, и соспа-
влявшей обиталище боговъ нашихъ.
Не мало подивились мы, увидѣвъ
всѣхъ подданныхъ обоюга пола сто-
ящихъ въ крайнемъ уныніи у входа
въ пещеру. — Когда мы подошли бли-
же, я грозно спросилъ у предсто-
ящихъ жрецовъ: что это значить?
Кто осмѣлился заключить двери
храма, когда должно совершаться
поклоненіе въ присутствіи моемъ
и всѣхъ великихъ Двора моего?

Тогда одинъ жрецъ побойчѣе прочихъ, по имени Шемела, выступя впередъ, сказалъ: двери храма сего заключены самимъ верховнымъ пасшыремъ Маркубомъ, и ты видишь нагайку, лежащую у порога. Кто безъ его позволенія осмѣлился переступить оный, шомъ будешь на другомъ свѣшъ безпрепятственно и нещадно ею спѣганъ. Ты самъ виновашъ, Князь; за чѣмъ было шакъ поносно оскорбляшъ особу первосвященника? Онъ шеперь раздраженъ, и ты не прежде вкупъ со всѣмъ народомъ удоспоишся присущшвовашъ при священнодѣйствіи, пока не удовлетворишъ боговъ своимъ уничиженіемъ, и не почшишъ жреца ихъ дарами приличными. Таково изволеніе боговъ и ихъ первосвященника.

Съ природы я былъ не робокъ; но шупъ, въ присущствіи всего народа обнаружишъ себя прошивникомъ обычаевъ, занявшихъ мѣсто закона, показалось опасно; но вмѣстѣ съ шѣмъ — явишъ себя уни-

комъ жрецовъ , кому же ? высокому Князю Кайшуку 25 му, — было для чести моей крайне оскорбительно.

Подумавъ нѣсколько , спросилъ я обращаясь къ своему Визирю: какъ думаешь премудрый Шамагуль? Онъ также на свой пай призадумался , но послѣ , покачавъ головою , произнесъ: еслибъ опытный Визирь Шамагуль былъ теперь на мѣстѣ храброго Князя Кайшука , то вѣрно бы зналъ , не спрашивая совѣта и не ломая головы что ему надо дѣлать ! Въ рѣшительныхъ случаяхъ медленность пагубна !

А что бы такое сдѣлалъ Визирь Шамагуль ?

Онъ подумалъ бы такъ : пусть на шомъ свѣшѣ , о коемъ достоверное свѣдѣніе имѣешь одинъ всезрящій Макукъ , дѣлають со мною что угодно , а на эшомъ покамѣстѣ — чшобъ не быть игрушкою жрецовъ и посмѣшищемъ народа , я приказалъ бы честнымъ опцамъ опперѣшь двери ; кто будешь изъ нихъ ослушенъ , того посшегаешь эшою

плешью, войши въ храмъ, облачиться въ ризы первосвященничьи и оплѣшь свяшья молишвы, подобающія въ чесшь великаго Макука. Кшо изъ жрецовъ не спанешъ пособляшь шебъ по обязанности вѣрно-подданнаго, шого я берушь пріохошишь къ шому одною и шюю же нагайкою.

Шамагуль величайшій изъ Визирей! вскричалъ я, поднимая плешь. Ну, чесшные спарцы, опирайше двери храма! —

Не у насъ ключь!

Такъ выломайше; васъ довольно, а двери не булашныя!

Чесшные спарцы мои спояли какъ вкопаныя въ землю; но я шакъ какъ Князь, слѣдовашельно первое лицо въ народѣ послѣ Макука и Кукама, горя неперпнѣемъ прислужишься божествамъ опшправленіемъ подобающаго имъ священнодѣйствія, началъ изо всей силы спучашъ плешью по спинамъ жреческимъ. Они опромешью бросились ко входу во храмъ, придавая одинъ друго-

му бодрости кулачными ударами. —
 Въ минушу двери опверзлись, и
 я, со всѣмъ Дворомъ и народомъ
 преклонилъ колѣна предъ изваянія-
 ми Макука и Кукама.

Г Л А В А 5 я.

Ч у д о.

Я повелѣвалъ возжечь свѣщи
 по всѣмъ угламъ пещеры, и особен-
 но предъ кумирами боговъ, у под-
 ножія коихъ возсѣвъ на искусно
 обдѣланномъ кедровомъ чурбанѣ,
 далъ знакъ жрецамъ, чѣобы обла-
 чили меня при чшеніи молишвъ
 обычныхъ. Первоначально надѣли
 мнѣ на ноги красныя шуфли съ
 мѣдными подковами, попомъ фу-
 файку длинную по колѣни, и пре-
 поясали мишурнымъ поясомъ самой
 высокой Армянской рабошы; да-
 лѣе — длинную полосашую эпанчу,
 сшитую на образецъ Турецкій; въ
 заключеніе же убранства возложи-

ли на главу мою воспроконечный колпакъ, сдѣланный изъ листовою мѣди, на копоромъ неподражаемымъ искусствомъ изображены были спереди: кропкѣй Макукъ, а сзади: неугомонный Кукамъ.

Когда приугошовленія кончены, ш. е. когда я былъ облаченъ по надлежащему, а жрецы стояли по правую руку съ мусикѣйскими орудіями, какъ то: съ предлинными мѣдными шрубами, бубнами и липаврами, а по лѣвую съ разинушкми ршами, дабы совокупнымъ дѣйствіемъ наполнишь воздухъ игрою и пѣніемъ, удобными проникнушь сквозь мѣдныя уши боговъ нашихъ, тогда старшій изъ наличныхъ жрецовъ, по имени Шемела, съ почтениемъ поднесъ мнѣ небольшой серебряный рожокъ, который я — одною рукою принимая, а другою отдавая нагайку Визирю Шамагулу, сказалъ: вѣрный мой Визирь! вошь тебѣ знакъ особенной моей довѣренности! На швое усердіе властаю объявишь всѣмъ моимъ поддан-

нымъ, что мѣра, мною шеперь принимаемая, клонится ни къ чему иному, какъ шолько къ возвеличенію во всей подсолнечной славнаго имени Осепинцевъ, подѣ правленіемъ моимъ благоденспвующихъ; ко вразумленію народовъ сосѣднихъ, что на мѣсто одного падшаго на войнѣ подѣ моими знаменами, рождающся десяшки новыхъ подвижниковъ; къ увѣренію народовъ ошдаленныхъ, что съ симъ поступкомъ нераздѣльно соединены чеспѣ, слава и шаспіе моихъ народовъ и ослѣпительный блескъ моего колпака злашвиднаго.

Тутъ началось дѣйствіе. — Я первый сдѣлалъ возгласъ на рожкѣ своемъ, и за мною раздался шаконъ ужасный ревъ, шаконъ пронзительный визгъ, что я ошроду подобнаго не слыхивалъ. У меня завяли уши, а Визирь Шамагуль съ удивленіемъ опушилъ руку съ нагайкою, которую было уже поднялъ, опасаясь, что жрецы не очень ревностно исполнятъ будущъ возложенную на нихъ обязанность. —

Рожокъ мой былъ шакъ голосистъ, что заглушала ревъ шрубъ и звукъ липавровъ, и — какъ я послѣ узналъ — слышенъ былъ во владѣніяхъ сосѣдей моихъ Князей Кунака и Мирзабека. — Восшоргъ мой умножился, видя раздувающіяся ланины новыхъ моихъ собраній; я далъ знакъ, надулся что было мочи, и шакъ звонко завизжала, что всѣ ахнули; прочіе подражали мнѣ съ особеннымъ жаромъ, — раздался ревъ, ошъ вѣка въ храмъ нашемъ неслышанный, — и къ общему ужасу овецъ и пасшырей, — услышали мы вдали спрашный гулъ, съ каждымъ мигомъ умножавшійся, кошорый вскорѣ превратился въ грохошъ, подобный быспрому паденію водопада, и кончился глухимъ низпадениемъ на землю у входа нашей пещеры. Кто опишетъ общее оцпеніе? мальчики и дѣвушки подняли болѣзненный крикъ, возрастные пали на колѣни, и не иначе думали, какъ что въ минушу узряшъ лицомъ къ лицу Макука и Кукама, кошорыхъ мы громогласіемъ сво-

имъ — одного съ горней вышины, другаго изъ преисподней бездны созвали въ храмъ ихъ. — У жрецовъ выпали изъ рукъ орудія, у пѣвчихъ открышиа губы окостѣнѣли, и я самъ, Князь и первосвященникъ, — опоропѣлъ совершенно, и забывъ, что боги должны бытъ у самага выхода изъ пещеры, хошѣлъ выбѣжать вонъ, но запусавшись въ святилищеской опанчѣ, спотыкнулся, повалился на свое сѣдалище и перевернулся вверхъ ногами, ошъ чего шуфли мой и калпакъ на сажень ошлешѣли. Однако страхъ не совсѣмъ лишилъ меня разсудка: я вскочилъ и съ онѣмѣніемъ сердца ожидалъ появленія боговъ нашихъ, кошорые что-шо медлили доставишь своимъ усерднымъ поклонникамъ шакое благо, ошъ коего бы они перекольби. Благодаря покрою плашья нашихъ дѣвиць и женщинъ (*) онѣ не обна-

(*) Горскія женщины, какъ и всѣ прочія Азіяшки, носятъ широкія шаровары.

ружили послѣдствій испуга, копорья при всемъ шумѣ были почти очевидны, и копорья строгій Маркубъ не иначе бы назвалъ, какъ оскверненіемъ храма. Я и самъ не преминулъ бы сказать шожѣ, если бы сознаніе собствѣннаго грѣха не шепшало мнѣ, что и я былъ не далекъ ошъ шакого же положенія! — Наконецъ задыхаясь ошъ несносной духошы, я возвалъ: ошворише двери храма; пусть боги благоволяшъ вниши, если видъ сей имъ не прошивень! — Двери ошворены съ ужасомъ, и чтоожъ мы увидѣли? чудо! — Недалеко ошъ входа въ пещеру лежалъ огромный гранишный камень, копорый можешъ бышъ ошъ начала вѣковъ находилъ ся на краю косогора поверхъ оной. Хошя я очень видѣлъ, что сколько начало первосвященничесшва моего было одобрено народомъ, сполько продолженіе его для меня не выгодно, однако мгновенно озарилъ ся мракъ разума, и не сказавъ никому изъ присутствующихъ ни слова,

повергся предъ испуканомъ Макука и громогласно произнесъ: о пы великій власпишель неба! пы, кошорый безпреспанно насыщаешь проспранное чрево свое наилучшимъ шешлыкомъ и пилавомъ (*) и услаждаешь обширную горшанъ неподобною водкою, ибо овцы и бараны небесные не въ примѣрь огромнѣе и жирнѣе нашихъ, и просо, изъ коего пригошовляюшь шебѣ напишокъ, вкуснѣе Аспраханскаго винограда, благоволи мнѣ, первосвященнику храма швоего и владѣшельному Князю народа храбраго, опкрышь благосклонно, что означать должно сегоднишнее низверженіе камня сего на землю?

Проговоря рѣчь свою, я всшалъ медленно, приблизился къ испукану, присѣавиль правое ухо къ усшамъ его, довольно времени слушалъ внимательнo, и наконецъ општуля на два шага, низко ему по-

(*) Пилавъ, кушанье, пригошовляемое изъ сарацынскаго пшена и баранины.

клонился, попомъ обращайся къ народу, сказалъ: благодарите великаго Макука, о правовѣрные Осешинцы! онъ шеперь повѣдалъ мнѣ въ присущствіи всѣхъ васъ, что низверженный першомъ его камень, есть неразрушимый залогъ неограниченной благослонности его ко всѣмъ намъ, и въ особенноти ко мнѣ и моему дому. Да будешь же онъ священъ для насъ и для нашего попомства. На верхней части сего драгоценнаго памяшника да укрѣпишься мѣдное изваяніе благодѣшельнаго Макука, и не ниже какъ въ полъ - аршина величиною. Всякъ проходящій мимо да не дерзнешъ не почшишь его поклономъ; въ прошивномъ случаѣ шаковой ослушникъ лишится шапки или балахона.

Разоблачась изъ шоржешвенной одежды, со всевозможною важностию вышелъ я изъ храма и облобызалъ уголь камня. Всѣ въ помъ мнѣ подражали.

Г Л А В А . 6 я .

Орденъ нагайки.

Будучи чрезмѣрно доволенъ необыкновенною своею прозорливостію, рѣшилъ я въ день, полико шоржественный, пожертвовашъ двумя или тремя лишними баранами и козлами для объда, и нѣсколькими кувшинами водки для возбужденія и поддержанія позыва на пищу и распросстраненія разумной силы въ головахъ собесѣдниковъ. Посему, когда вошли въ дворцовую ограду, я пригласилъ къ столу жрецовъ и многихъ дворянъ, кошорые, по моей полишикъ, никогда прежде удоспоены сего не были; а между шѣмъ дальшайное повѣленіе: дерзкаго Маркуба заключишь въ крѣпость и держашъ въ строгомъ постѣ впредъ до моего повелѣнія.

Пиръ поднялся великолѣпнѣе похороннаго; вельможи замѣчали, что я подлинно гораздо

красивѣе въ первосвященническомъ колпакѣ, чѣмъ шарый, угрюмый Маркубъ; жрецы сознались, что я несравненно его щедрѣе и ласковѣе, а Сардаръ Бекшемиръ въ свою очередь изъяснилъ — онъ по природѣ былъ молчаливѣе всякаго придворнаго — что я сверхъ того столько храбрѣе, сколько опъ смершнаго ожидашь можно; ибо при всеобщемъ ужасѣ не примѣшно было, чтобы и меня постигла почти всеобщая участь. — Когда пиршествво кончилось, то всѣ разбрелись по домамъ, дабы отдохнувъ, повѣдашь своимъ домашнимъ, кои не присуществовали при моемъ священнодѣйствованіи, о случившихся въ храмѣ диковинахъ. Вельможъ пригласилъ я остахъся у меня на вечерній кальянъ (*).

(*) Особливаго рода орудіе, изъ коего куряшь табакъ. Пошчиваешь кого кальяномъ почитается въ Азіи знакомъ пріязни.

Когда всѣ гораздо были веселы, я спросилъ своихъ Совѣтниковъ: какимъ бы образомъ предъ взоромъ попомсшва увѣковѣчишь память незабвеннаго дня сего? — Положимъ говорилъ я, что камень, низринутый Макукомъ, досташочнымъ можетъ быть сему памяшникомъ, но это для шѣхъ только, кои будущъ его видѣшь; а по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ и память о семъ великомъ событіи испребится! Сего бы не хотѣлось! подумайше-ка, друзья мои, какъ бы намъ лучше умудришься? —

Всѣ принялись усердно думать, одинъ задравши вверхъ голову, а другой опушя внизъ, совокупно испрашивая совѣта у Макука и Кукама. Первый Бекшемиръ сказавъ, что ничего ксташи не придумаешь, принялся за кальянь. Другіе почти поже самое выдумали, и поже самое дѣлали. Дошла очередь до Визиря Шамагула, и онъ, разгладя усы сказалъ: вошь что я выдумалъ: какъ нагайка, лежав-

шая у дверей нашего храма, была главною основою сегодняшнихъ приключеній; ибо все швое благо-разуміе не принудило бы жрецовъ выломить двери, а кровопролишный мечъ возбудилъ бы въ народъ возмущеніе, шо не благоугодно ли будешь тебѣ, Свѣшлѣйшій Князь, учредишь, по примѣру нѣкоторыхъ владѣшелей, особенный орденъ и наименовашь оный орденомъ на-гайки, а я беру на себя сдѣлашь образчикъ оной и сочинишь ушавъ. Орденъ сей раздашь ты усерднѣйшимъ подданнымъ, и при посольсшвахъ разошлешь къ союзнымъ Князьямъ Горскимъ, ибо шакъ водишся между образованными народами. Симъ приобрѣшешь ты почшеніе отъ попомсшва, яко первый изобрѣшашель шакого общеполезнаго заведенія и предашь въ сохраненіе ему свое имя!

О величайшій изъ возможныхъ полишиковъ во всѣхъ ущельяхъ Кавказскихъ! вскричалъ я съ воспоргомъ: ушрой, какъ сказалъ ты,

и угодишь мнѣ чрезвычайно; но чшобъ не развлекашь себя присуш-
ствіемъ на моихъ совѣсахъ, шо на цѣлыя при дня увольняю тебя
опъ оныхъ, а каждое утро буду
посылашь къ тебѣ на шешлыкъ по
доброй части баранины и по полу-
кувшину водки.

Г Л А В А 7я.

Княжескій Судъ.

На другое утро по открытіи
Совѣша предсталъ ко мнѣ молодой
Горець изъ хорошаго дома, влеко-
мый за обѣ руки шакже двумя мо-
лодыми дѣвками - сеспрами. Когда
онѣ подошли къ моимъ козламъ,
шо сеспры подняли шаккой крикъ,
чшо опъ подобнаго завяли бы и
Макуковы уши. Я осмошрѣлъ сихъ
пришельцовъ внимашельнымъ окомъ
судіи безприсшрасшнаго, и какъ
младшая показалаь мнѣ гораздо
пригожѣе другой, шо я повелѣлъ
говорить ей первой. Посему она,

преклонивъ голову подъ увѣсисшій
 песокъ мой, сказала: правосудный
 Князь и премудрый жрецъ Маку-
 ковъ! окажи ко мнѣ бѣдной швое
 вниманіе! Болѣе мѣсяца прошло,
 какъ въ меня влюбился сей молодой
 Горецъ, равномерно и я въ него.
 Долго прошивилась я любовнымъ
 его нападкамъ, наконецъ спала по-
 бѣждена. Вчера онъ поклялся мнѣ
 спрашнымъ Кукамомъ, что на дру-
 гой же день на мнѣ женишься, ес-
 ли будешь доволенъ мною въ пол-
 ной мѣрѣ. Обольспясь симъ шор-
 жеспвеннымъ обѣщаніемъ, я дозво-
 лила ему въ прошедшую ночь прид-
 ти въ нашу хижину и переноче-
 вать со мною на одномъ войлокѣ.
 Когда увидѣла я, что время, на-
 значенное къ свиданію, уже прош-
 ло, а Науръ не являлся, шо дви-
 жима будучи незнакомымъ мнѣ
 волненіемъ крови и шрепешаніемъ
 сердца, я вышла изъ хижины, и
 увидя споящаго подлѣ дверей сво-
 его любовника, бросилась къ нему
 съ восшоргомъ; но онъ, вмѣспо

шого, чшобъ упасшь въ опверспыя
 мои объашія, опщипалъ нѣсколь-
 ко пощечинъ, сопровождаая ихъ по-
 носными словами, и удалился. Мнѣ
 ничего не оставалось дѣлать, какъ
 плакать, въ чемъ я и провела
 остальное время ночи.

Сегодня сестра моя, рано по-
 утру одѣвшись въ праздничное
 платье, сказала: оставайся дома,
 и приготовь къ обѣду лишнее, —
 я надѣрена привести гостя. Знай,
 что я иду къ любезному Науру,
 дабы соединишься съ нимъ бракомъ,
 шакъ какъ эту ночь я съ нимъ
 проводила! — Не менѣе поражена
 была я сими словами, какъ и ноч-
 нымъ поступкомъ со мною невѣр-
 наго Наура, или паденіемъ священ-
 наго камня въ послѣдній праздникъ.
 Опомнясь, бросилась я вслѣдъ за
 сестрою, и только лишь догнала
 ее, какъ встрѣчился съ нами Науръ,
 кошораго я почти насильно приве-
 ла къ возвышеннымъ козламъ шво-
 имъ, прося явить мнѣ правосудіе

и наказать преступника за оклеветаніе чести моей и за данныя пощечины!

Когда замолчала она, я величественно посмопрѣлъ на другую сестру, которая ни мало въ лицѣ не измѣнялась. На вопросъ мой: ты что скажешь? она непринужденно отвѣчала: ничего болѣе, кромѣ того же, что объявила сестрѣ своей, и что ею тебѣ уже рассказано! — Ну ты что? спросилъ я у Горца. Подтверждаю все, отвѣчалъ онъ, что обѣ сестры сказали. Такъ, Свѣшлѣйшій Князь! ночью былъ я въ ихъ домѣ. Въ совершенной темнотѣ, съ величайшею тишиною, нѣжная рука ввела меня и опустила на войлокъ. По прошествіи упоенія, я также тихо выпущень, и оспановясь у дверей, невольно задумался о вѣроломствѣ любовницы — нашедъ уже ее — проси, великій свяшитель! что не смѣю говорить яснѣе; ты меня хорошо понимаешь!

Бѣда, да и бѣда! думалъ я поширая лобъ. Самое запушанное дѣло! Что ты скажешь, почтенный Бекшемиръ! Какъ бы намъ ладнѣе рѣшишь эту глупую задачу? — Право не знаю, ошвѣчалъ шомъ; пошому чшо у меня пересохло въ горлѣ, и я разсуждалъ о прохладженіи!

Я далъ знакъ шѣлохранишелю, кошорый въ одинъ мигъ явился съ двумя большими кубками, по опороженіи коихъ мы поглядѣли одинъ на другаго весело, и Бекшемиръ увѣрялъ, что онъ будетъ самый прилѣжный совѣтникъ Княжескій.

Великій Макукъ! говорилъ я мысленно: просвѣши мой разумъ, дабы не сдѣлашь неправосудія и не поспыдишь себя невѣжесшвомъ! — Великій Макукъ и подлинно просвѣшилъ умъ мой чудеснымъ свѣтомъ, и я возвалъ: шеперь наконецъ постигаю истину! Справедливость будетъ оправдана, а прешупленіе наказано! Хошите ли вы,

сестры, чибобы я, для избѣжанія въ семь дѣлъ проволоочки, облада- ніе шою или другою изъ васъ симъ молодымъ воинсмъ предоспа- виль собспвенному его выбору? — Я очень согласна, и забываю его обиды, ошвѣчала младшая съ радостію. — А я нѣшь! вскрича- ла старшая. А почему? — Попо- му что онъ, насыпя свои злодѣй- скія желанія въ моихъ обьяшіяхъ, вѣрояшно избереть шеперь сестру мою! —

И шо бышь можешъ, сказала я задумчиво, а пошому опредѣлю такъ :

Г Л А В А 8я.

Р ѣ ш е н і е.

Помедли, Князь, остановись! вскричала Бекшемиръ; я вижу, что шы шеперь нарочито премудръ и разсуждаешъ непомерно разумно? Если онъ одного кубка боги даро- вали шебъ столько прозорливости,

шо — посуди самъ, сколько прибавился оной, если мы одолѣемъ шеперь по другому! — Прекрасно! опвѣчалъ я, и когда по сему совѣшу было исполнено, шо и въ самомъ дѣлѣ я очутился шакъ разумень, какъ и не чаялъ.

Слушайте слова мои, воззвалъ я: по вашимъ донесеніямъ заключаю, что старшая сеспра виновапа во всемъ, да и Науръ не правъ. Примѣчаю, что старшая была шакже влюблена въ сего Горца и воспользовалась оплошностію сеспры своей. Младшая — если бы ушрашила заранѣе свое приданое, не осмѣлилась бы, на сказанномъ договорѣ, пусшиться къ себѣ любовника. И шакъ Науръ посѣщаль старшую, почиая ее за младшую, и не нашедши шого, чего имѣлъ право ожидать, опмстилъ послѣдней за грѣхъ сеспры ея. Посему — за опромешчивосшь Науръ долженъ просидѣшь въ крѣпости прои сущки и заплашиться обиженной пяшь юзулковъ, а другіе пяшь въ Княже-

скую казну, въ вознагражденіе той скуки, какую довелось мнѣ шерпѣть разбирая проказы ваши. — Тебя же, старшая — главную виновницу сей сумашохи. . .

Языкъ у меня прошиву воли остановился. Я обѣими руками поднялъ жезль; виновашая, или по крайней мѣрѣ обвиненная, поверглась предо мною на колѣни съ умоляющими взорами, въ шоропяхъ шакъ сильно шолкнулась о козлы, что они потряслись, и я пошашнувшись, палъ на полъ шакже на колѣни предъ нею, и оба исправно спукнулись лбами. — О! вскричалъ я заикаясь и привсшавая ошъ земли. — Гдѣ мой жезль? кричалъ я; неистовый Бекшимиръ! подними жезль и подай мнѣ: я поражу сію вѣроломную, кошорая меня околдовала. Возможно ли! заспавишь Князя и первосвященника ползашъ по полу ища орудія къ праведному наказанію! слыханное ли дѣло? Вошъ какъ безшолковый Маркубъ смошрѣлъ за

нравственностію моихъ подданныхъ, что допустилъ разлишься яду чародѣйства между ими! Вошь я васъ, беззаконники!

Г Л А В А 9я.

Дальнѣйшія затѣи.

Опомнясь, я нашель, что лежу на своихъ подмошкахъ, усланныхъ мѣхами овецъ Калмыцкихъ. Будучи обезумленъ минувшими происшествіями, не скоро могъ придти въ надлежащій разумъ. На голосъ мой явился одинъ изъ шлохранишелей и на вопросъ: чѣмъ кончился судъ мой въ чершогъ Совѣща, и что тогда было, утро или вечеръ, возвѣстивъ, что когда я, лазя по полу, чтобы сыскашь жезлъ свой, усомился и скоро започивалъ, то Бекшемиръ вельзь опнеси меня въ опочивальню; самъ же приказавъ препроводить Наура въ крѣпость, пока не заплашишь пени, и по-

желавъ обѣимъ просительницамъ
лучшаго успѣха въ любви, бодро
отправился въ домъ свой. Теперь
у всѣхъ Горцевъ вечеръ, продол-
жалъ онъ, и я ожидаю повелѣній. —
Пооди и спи, опивчалъ я, а устро
вечера мудренѣе!

На другой день, въ упреннее
время, я не приминулъ присущ-
ствовашъ въ Совѣтѣ, гдѣ всѣ сочле-
ны единогласно объявили, что мое
вчерашее рѣшеніе въ такомъ за-
пушанномъ дѣлѣ безпримѣрно бы-
ло премудро. Они жалѣли только,
что по не опысканію жезла, спар-
шая просительница осталась не
наказанною за вину, шолико важ-
ную. — Такъ шому и бышь, опив-
чалъ я; пусть на сей разъ будешь
для нее наказаніемъ, что осрам-
лена во всемъ Княжесшвѣ, и не ско-
ро заманишь къ себѣ на войлокъ
другаго глупца, подобнаго Науру.

До насшупленія торжествен-
наго дня, въ кошорый я должен-
ствовалъ священнодѣйствовашъ,
время протекло безъ особенныхъ

приключеній. Весь народъ доволенъ былъ моими судами, а вельможи не могли нахвалишься моими щедрыми угощеніями.

Наканунъ великаго дня, въ который готовился я священнодѣйствовать въ храмъ нашихъ боговъ, прибыли Послы отъ сосѣдственныхъ Князей Кунака и Мирзабека. — Мгновенно взмогшился я на козлы, и введенные по данному знаку Послы объявили желаніе Свѣплѣйшихъ своихъ власпелиновъ присуствовать съ своими семействами при моемъ поклоненіи богамъ. Мнѣ пріятна показалась со стороны ихъ такая вѣжливоспъ, и я, одаря Пословъ глиняными шрубками, и давъ каждому по папушъ шабаку и по кубку водки, опустилъ съ честію, приглашая во храмъ, а послѣ къ себѣ на завтракъ высокихъ посѣщителей.

Давно слыхалъ я, что Сафира, дочь Мирзабекова, есть прекраснѣйшая Княжна изъ всѣхъ Княженъ, здрав-

ствующихъ на вершинахъ Кавказа. Хошя никогда не удавалось мнѣ ее видѣшь, ибо она не задолго предѣшмъ прибыла къ ошгу, бывъ воспишана у дяди своего Князя Казбека, самаго просвѣщеннаго и самаго сильнаго изъ всѣхъ Князей Горскихъ, однако шеперь ошошно вѣрилъ общему о красотѣ ея слуху, и мнѣ бросилась въ голову мысль, что конечно великій Макукъ хочешъ ошаспливишь меня, удостоя увидѣшь сію рѣдкую красавицу. — Только бы увидѣшь, — говорилъ я самъ себѣ, — а побѣдишь ея сердце будешъ уже мое дѣло, и кажепся — не мудреное. Постараюсь ошправляшь поклоненіе Макуку какъ можно величественнѣе и красивѣе.

Въ семъ намѣреніи немедленно ошправилъ я письменное повелѣніе жрецу Шемель, первеншвующему послѣ меня, гдѣ именно означено: благоприличіе храмовъ всегда угодно Макуку и Кукаму. Не рѣдко блаженной и вѣчно досшойной памяши

предки мои расточали на шо казну свою, и за пошерю нѣсколькихъ сошней юзлуковъ содѣлались почтенными у попомсхва! Я хочу сравнишься съ ними въ благочестіи, ибо свидѣтели онаго будущь Князь Мирзабекъ съ прекрасною дочерью своею Княжною Сафирою и Князь Кунакъ съ преглупымъ сыномъ своимъ Княземъ Кубашемъ, копорый въ полишикъ менѣе ишека (*) свѣдуць. А попому шы на мой счешъ вели сей часъ согнашь всѣхъ пауковъ со спѣнь храма, выколошишь всю пыль изъ моего полосашаго балахона, а пуще всего чиспо начиспо золою и мѣломъ вычисшишь первосвященническій колпакъ и рожокъ, не забывъ шакже поновишь изображенія Макука и Кукама. Чѣмъ боги бываюшь наряднѣе, шѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ смопрятъ они на жрецовъ ихъ. Всѣ мѣры приложи,

(*) Родъ малорослыхъ ословъ.

чтобъ завтра чуть-свѣтъ все было совершенно готово, а не то, — ты знаешь, какъ полнобѣсна моя нагайка! —

Распорядясь такимъ премудрымъ образомъ, я занялся воображеніемъ о прелестной Сафирѣ, и непримѣнно погрузился въ любовную задумчивость. Придворные вельможи, примѣтя мое уныніе, и не зная, чѣмъ развлечь оное, дали шихонько знашь Визирю Шамагулу, который въ скоромъ времени и явился ко мнѣ съ образцовою нагайкою и грамашою объ учрежденіи онаго ордена. — Князь! воззвалъ онъ вошедши: я исполнилъ швое повелѣніе, касательно провозглашенія объ устройствѣ новаго, неслыханнаго ордена, который возвеличить имя швое превыше всего великаго. Время теперь весьма удобное къ слушанію; такъ послушайте же всѣ, что начерпалъ Шамагуль, верховный Визирь Свѣшлѣйшаго Князя Кайшука!

Принявъ на себя величественный видъ и опершись на жезлъ, я гошовъ былъ слушашь, и Шамагуль, возвыся гласъ, чиналъ слѣдующее :

Г Л А В А 10 я.

Уставъ ордена нагайки.

„Изволеніемъ высочайшаго бога Макука и нижайшаго бога Кукама, я Князь Кайшукъ 25й, обладашель не малой части ущелій Кавказскихъ и береговъ Терека, по случаю внезапнаго воспріяшя на себя доспоинспва первосвященника въ моей обласпи и пошому, что великій Макукъ благоволилъ на сіе начинаніе мое возрѣшь милоспивымъ окомъ, что доказалъ низверженіемъ на землю огромнаго камня съ вершины ушеса, изволилъ и я великое событіе сіе ознаменовашь во всѣхъ вѣкахъ грядущихъ учрежденіемъ ордена нагайки. Главныя спашьи сего важнаго общепользнаго заведенія сущь слѣдующія :

Статья 1. Знакомъ ордена есть нагайка, сдѣланная изъ кишекъ бараньихъ, длиною въ аршинъ; кнушовище изъ кедроваго дерева четверосшороннее, длиною въ поларшина.

Статья 2. На одной сторонѣ кнушовища, голубыми буквами написано будешь, въ знакъ обладателя неба — Макукъ; на противуположной огненными, въ означеніе могущества надъ адомъ — Кукамъ; а на средней, въ доказательство, что и Князья находящія между свѣсомъ и шьмою, бѣлыми напишешся: Кайшукъ 25 й; на четвершой зелеными, въ знакъ, что въ природѣ сей цвѣтъ болѣе другихъ примѣшенъ, означашся: годъ, мѣсяць и день совершившаго чудодѣйства.

Статья 3. Права, коими пользовашся будешь кавалеры ордена нагайки. — Довольно! вскричалъ я. По началу вижу, что шы не даромъ ѣлъ моихъ барановъ и пилъ просяную водку! о великій Шама-

гуль! ошъ шебя научилса и я знашь правила, какъ управляшь народомъ. Все ушверждаю, что шолько по предмету сему вдохнулъ Макукъ въ швою голову. Сей часъ посымай въ Моздокъ къ Армянскимъ художникамъ образчикъ швоей нагайки, по кошорому надобно сдѣлашь по крайней мѣрѣ шшукъ пшдешашъ. Думаю, что каждый знакъ ордена не дороже одного юзлука обойдешся; чшобы сегодня же нарочный былъ ошправленъ!

Таковое распоряженіе въ одинъ мигъ исполнено. Вечерь проведенъ въ веселіи, а ночь, — или лучше — часъ оной въ воображеніи о прелесныхъ дочери Мирзабековой.

Г Л А В А 11 я.

Княжна Сафира.

Едва лишь взошло солнце надъ вершинами Кавказскими и разлило повсюду разноцвѣшныя огни свои, я уже гошовъ былъ къ поржешшвен-

ному шешвию. Я самъ не мало удивлялся величію, съ каковымъ шагаль съ камня на камень. По правую руку имѣлъ я храбраго Сардара Бекшемира, а по лѣвую мудраго Визиря Шамагула; за нами слѣдовали Назиръ Бикпашъ, спраженачальникъ Баширъ, и прочіе знашныя сановники, а шѣлохранители заключали шешвиѣ. — Когда всѣ достигли пещеры, я увидѣлъ, что Князья Мирзабекъ и Кунакъ у входа меня дожидались. Обошедшись съ ними весьма вѣжливо и дружелюбно, я, подавая жрецамъ ключъ, сказалъ самымъ первосвященническимъ голосомъ: опшверзште враша храма!

Во время происходившихъ со всѣхъ споронъ привѣшпвій, увидѣлъ я дочь Мирзабекову Сафиру. О Макукъ! кто опишетъ прелести сей дѣвицы? я оцѣпенѣлъ. Она успремила на меня быспрые, блестящіе, голубые глаза свои, — и опустила внизъ. Никакая роза Багдадская, никакая заря вечер-

няя не можешь бышь такъ румяна, какъ ея щеки! — Губы ея, грудь, станъ, о Макукъ! шы дославиль мнѣ случай ея видѣшь, или сдѣлаешь щасливымъ на евѣшь, или злополучнѣе послѣдняго Осешинца? — Хошя я чрезмѣрно, неизобразимо пораженъ былъ необычайными прелеснями Княжны Сафиры, хошя кровь моя пылала огнемъ Кукамовымъ, однако — сядясь на свой кедровой обрубокъ предъ кумиромъ для облаченія, не могъ не замѣшишь, что божественная Сафира бросала! иногда на меня взоры, въ коихъ изображалось крошкое удовольствіе. Это несказанно меня восхищало, и я мысленно пророчиль, что надежды перяшь не надобно.

Однакоже воспоргъ оспанавливалъ иногда проклятый Князь Кубашъ, кошорый, во все время моего облаченія, безпрестанно шепшаль что-то на ухо Сафирѣ, и смѣшрль на нее споль умильно, что я внутренно перзался, и спокрашно

умолялъ ужаснаго Кукама впустить въ шею его острые когти свои какъ можно глубже. — Будучи твердо увѣренъ, что споль грозный богъ большой охотникъ до ссоры и драки, не оставишь мольбы мойей вшунъ, я нѣсколько успокоился.

Г Л А В А 12 я.

Помѣшательства.

Облаченіе мое кончилось возложеніемъ на главу священнаго колпака, какъ жарь сіяющаго, и приняшіемъ въ десницу рожка громогласнаго. Я надулъ щеки какъ можно шолще, приложилъ къ губамъ сіе муссикійское орудіе, дунуль что было силы, но опразившійся опшуда духъ бросился мнѣ въ глаза и горло, я ослѣпъ, и вмѣсто рожечнаго визгу, завизжалъ самъ ужаснымъ голосомъ, проширая глаза кулаками. Едва усидѣль я на своемъ чурбанѣ. Всѣ пришли въ смяшеніе, и явно шолковали, что мо-

гуцій Кукамъ ослѣпилъ Князя за шо, чшо онъ, смовольно низложа Маркуба, принялъ на себя высокое званіе его, безъ испрошенія опъ свѣшаго Далай - Ламы надлежащаго позволенія. Всѣ хотѣли бросишься вонъ изъ пещеры, даже самыя Свѣшлѣйшіе госпи, какъ вѣрный мой Визирь Шамагуль, удержавъ ихъ, и спавъ по серединѣ, воззвалъ: высокіе постъшители! увѣрю васъ, чшо происшесивіе сіе ничего особеннаго не заключаешъ, а попому прошу оспашься и бышь свидѣшелями исцѣленія Свѣшлѣйшаго моего властелина. Храбрый Бекшемиръ! продолжалъ онъ: при тебѣ вся збруя воинская; и шакъ очиспи священнй рогъ, чшобъ онъ могъ по прежнему издавашъ божеспвенныя возгласы; а я сдѣлаю свое дѣло! —

Бекшемиръ съ обыкновеннымъ хладнокровіемъ взялъ въ руки священнй рожокъ, а Шамагуль, намочивши полошеницо, началъ промывашъ мнѣ глаза. Скоро они про-

яснились, и вождь силъ моихъ также не въ продолжительномъ времени посредствомъ желѣзнаго прута, коимъ прочищаль онъ чубукъ свой, прѣчислилъ рожокъ, и я надувая его, производилъ громогласныя визги, ошъ коихъ у самаго меня въ ушахъ звенѣло. Ошъ шаковой удачи я совершенно оправился, священнодѣйствіе продолжалось и кончилось съ великою для меня честью, я разоблачился, и съ почтеніемъ приглашалъ высокихъ гостей къ себѣ на кубокъ водки. Всѣ согласились — и я имѣлъ неописанное удовольствіе видѣшь подъ крышею дворца моего несравненную Сафиру.

Когда мы — по естѣ: я, Князья гости и мои вельможи пренасытились ошъ щедрыхъ даровъ Макуковыхъ, по я, горя часъ ошъ часу большимъ неперпѣніемъ, и сдѣлавшись уже чрезъ мѣру опважнымъ, сказалъ: — почтенный Князь Мирзабекъ! послѣ моего родителя, блаженной памяти Князя Найшука

24го, сдѣлался я непосредствен-
нымъ власпелиномъ надъ поддан-
ными и своими дѣлами. Владѣнія
наши смежны. Я одинъ, и шы
имѣешь одну дочь, прелестную
Княжну Сафиру. Я люблю ее бо-
лѣ своего Княжескаго и перво-
священническаго сана. Никакого
приданого не шребую, а если шебѣ
угодно, самъ дамъ за нее выкупу,
хошя бы для сего должно было по-
жертвовашь цѣлою половиною об-
ширнаго моего владѣнія.

Всѣхъ любопытные взоры обра-
тились на меня и на Сафиру. Она
покрылась пурпуровымъ румянцемъ
и опустила глаза въ землю. Мир-
забекъ усшавиль на меня непод-
вижные взоры; Кунакъ сильно на-
морщиль брови, а Кубашъ поблѣд-
нѣль и закусиль губы. — Наконецъ
Мирзабекъ сказаль: Князь! я щи-
таю за честь сдѣланное шобою
предложеніе, и охошно бы согла-
сился на швое желаніе, но уже не
могу шого сдѣлашь и не долженъ.
Мы съ малолѣшшва дружны съ

Княземъ Кунакомъ; и — когда родилась у меня дочь Сафира, шо была уже помолвлена въ невѣсны молодому Князю Кубашу. Тебѣ извѣстны наши обыкновенія, кошорыя иногда сполько же важны, какъ и самыя законы. Я долженъ бытъ господиномъ своего слова. Какъ скоро Сафиръ исполнися ровно семнадцать лѣтъ, что послѣдуешь черезъ шестнадцать недѣль, тогда она сдѣлаешя супругою шепершняго жениха своего. Впрочемъ, Князь, прошу тебя бытъ всегда увѣреннымъ въ моей пріязни. Я очень помню дружбу и гостепрѣимство опца швоего. Будь ему подобенъ въ храброси и добростѣ сердца, шо за невѣстою дѣло не спанешъ. Благодаря боговъ, на горахъ нашихъ добро сіе въ высокихъ Княжескихъ фамиліяхъ не переводися.

Сказавъ сіи слова, Мирзабекъ всшалъ съ лавки, взялъ дочь за руку, сдѣлалъ мнѣ поклонъ, и прося навѣщать его, вышелъ; Князь Ку-

башь, коварно улыбаясь, дѣлалъ мнѣ глупыя учтивости, и съ опцемъ своимъ послѣдовалъ за Сафиною. — Во все время прощанія былъ я какъ помѣшанный. Проводяя гостей, я хохоталъ самъ не зная чему, а проводивши, едва не залился слезами; такъ шажель былъ для сердца моего отказъ Мирзабека. Воображеніе, что милая, несравненная Княжна Сафира будетъ въ объятіяхъ гнуснаго Князя Кубаша, раздирало мое сердце. Я ни мало не сердился на Мирзабека, ибо онъ въ семъ случаѣ дѣйствовалъ какъ честный человекъ, обязанный держаться своего слова; но я бѣсился, вспоминая о Князѣ Кубашѣ, который будучи глупѣе и неуклюжѣ всякаго Горца, осмѣлился пожелать себѣ въ жену прекраснѣйшую изъ всѣхъ Осепинокъ. — Я шерялся въ замыслахъ и не зналъ за что принялся, ибо очень чувствовалъ, что безъ Сафиры не могу быть щасливымъ. Наконецъ ушвердился на той мысли, что

когда мнѣ не суждено имѣть ее своею, шакъ пущь же и никшо другой не обладаетъ ею!

Г Л А В А 13-я.

Твердость и рѣшительность.

Задумчивость моя прервана была великимъ шумомъ. Я оглянулся и увидѣлъ вѣрнаго Визиря Шамагула, торжественно ведущаго ко мнѣ жреца Шемелу съ завязанными назадъ руками. Множество народа провожало ихъ. — Князь! вскричалъ Визирь во услышаніе всѣхъ: вошь злодѣй, которъй, по довольномъ испытаніи, признался въ злодѣйствѣ, досель неслыханномъ. Онъ, залпивши часъ внутренности священнаго рожка, начинилъ его сухимъ нюхательнымъ шабакомъ, и чухъ чухъ - было не задушилъ и не ослѣпилъ себя!

Я разсвирѣпилъ и не на шупку, и поднявши жезлъ, спросилъ жреца съ холоднымъ — по наружно-

спи — видомъ: чшобы значило, что ты дерзнулъ насмѣхаться предъ всѣмъ народомъ не только надъ своимъ Княземъ и первосвященникомъ, но и надъ самымъ божесп-спвомъ, упошребя во зло священ-ный рожокъ его?

Жрецъ къ общему удивленію не казался смущеннымъ. — Князь! опвѣчалъ онъ: когда дозволишь мнѣ поговорить съ шобою, по услышишь добрыя вѣсти; въ прошивномъ случаѣ — самъ на себя пѣнай! Смощри — позднѣе раскаяніе никуда не годится!

Я даль знакъ; Шамагуль по обыкновенію осмошрѣлъ, нѣтъ ли у жреца какого скрышаго оружія, и вышелъ вонъ вмѣстѣ со всѣми.

Князь Кайшукъ! сказалъ Шемела: непринужденно: по наущенію гнѣвнаго Маркуба я подлинно сдѣлалъ великое беззаконіе, насыпавъ въ свяшой рогъ мѣлкаго шабаку. Признаюсь охощно, что досшощишь опъ боговъ наказанія, но не запрись и съ своей спороны, что и

ты превеликій беззаконникъ! Какъ смѣлъ ты Шишимора, Посла безсмертнаго Далай-Ламы, прибить своимъ песномъ, и не испрося позволенія отъ великаго первосвященника всего Тибета и Индіи, возложилъ на себя жреческое облаченіе? Не уже ли думаешь, что державный Макукъ попустишь долѣ свирѣпствовать своимъ злодѣйствамъ? Недоспойный! сего ли ожидали отъ тебя жрецы наши? Сего-ли надѣялся народъ? Или забылъ ты предсказаніе мудраго Маркуба, забылъ, что Черный Годъ твоей насмѣль уже? Тrepещи, безразсудный!

Долго пребылъ я въ странномъ положеніи. И не Кайшуку 25 му, Свѣплѣйшему Князю и первосвященнику, таковая рѣчь отъ жреца показалась бы загадочною. Я смотрѣлъ на него не говоря ни слова.

Что, преступникъ! вскричалъ жрецъ съ большею дерзостію: совѣсть оковала злочестивый языкъ твой! Могущественный Кукамъ

давно оспришь на себя длинныя
копья свои, и ты не замедлишь
попасть въ пламенные его объ-
яшя. — Однакожь — продолжалъ
онъ послѣ недолгаго молчанія, —
если ты хочешь ошь сего изба-
вишься, такъ ешь еще средство,
и пришомъ единственное. Назначь
меня на мѣсто Маркуба со всѣми
правами и почестями, приличны-
ми первосвященнику; дай мнѣ мѣ-
сто въ верховномъ швоемъ Совѣшѣ
и учасіе въ швоихъ ширшешвахъ,
и тогда всѣ грѣхи швои ошавле-
ны будутъ. Въ замѣнъ шого — я
объщаю тебѣ лучшее мѣсто въ об-
ласти Макука; въ прошивномъ же
случаѣ — прокляшь ты ошныиъ
и до вѣка!

Есть легче думалъ самъ съ со-
бою; ужъ не свирѣный ли Кукамъ
принялъ на себя видъ жреца Ше-
мелы, чшобы испышалъ мою швер-
досшь и рѣшительность! А вопъ
сей часъ увидимъ! — Спража!
вскричалъ я съ бѣшенствомъ, —
и Сардаръ Векшемиръ съ моими

шѣлохранишелями, а Визирь Шамагуль съ придворными господами явились грозны подобно двумъ громовымъ шумамъ. — Возмише сего нечесшивца, возвадь я, снимише съ него ризы жреческія и все одѣліе, привяжише къ кипарису, споящему позади дворца моего, намажше всего медомъ и оспавше въ добычу комарамъ и мухамъ.

Какъ! вскричалъ Шемела побавровѣвъ; — съ жрецомъ Макуковымъ дерзаешь ты дѣлать такія пакосни? Или думаешь, что всѣ шакъ смиренны, какъ благочеспивый Шишимѣръ, котораго ты оскорбивъ смертельно, и не подумалъ разскаяться. Да поразишь тебя громъ правосуднаго Макука! Развѣ не знаешь, что такое есть жрецъ? — Очень знаю, ошвѣчалъ я съ пришворнымъ равнодушіемъ; а пошому, чтобы ошличить себя ошъ простолюдина, повелѣваю цѣлыя три дни держашъ въ сказанномъ положеніи у кипариса, а въ обѣденное и ушренное время влѣпляшъ въ спину по

полусопни ударовъ нагайками, что и начашь пеперь же.

Мое повелѣніе въ точности исполнено. Жрецъ произносилъ тысячи прокляшій, однакожь шѣмъ не менѣе былъ вышеганъ нагайкою и преданъ на жершву насѣкомыхъ.

Г Л А В А . 14.

П л о х о .

Оспавшись наединѣ съ моими Совѣшниками, я призадумался, какая бы могла бышь причина непо-мѣрной дерзости жреческой. Посудише, мудрые мои Совѣшники, спросилъ я, чтообы это значило? А причина должна бышь не мало-важная! Не можешъ бышь, чтообы полусѣдой Шемела сдѣлалъ это по-глупости! Это конечно былъ злоб-ный ковь прошивъ моего здравія! — Легко спашься можешъ, сказалъ съ важностію Бекшемиръ: шакъ для избѣжанія всякаго въ семъ дѣлѣ не-доразумѣнія, я мнѣніемъ своимъ по-

лагаю : сей часъ негоднаго жреца
пришибишь дубьемъ, шакъ и будешь
знашь, каково поступающъ съ шьмъ,
кто умышляешъ на здравіе Князя.
Шушка ли? свяшой рогъ начинишь
шабашною пылью! — Дубьемъ его,
дубьемъ!

Не спанемъ горячиться, поч-
тенный Бекшемиръ, сказала Ви-
зирь; если жрецъ умышлялъ зло
на Князеву особу, — ибо очень лег-
ко могло спасться, что онъ или бы
ослѣтъ, или задохся, — шо конечно
достойнъ дубья; но какъ у него въ
шакоемъ опшважномъ предпріятіи не-
премѣнно должны бышь сообщники,
ибо великая наука полишика не-
опшмѣнно шого пребуешъ, а жрецы
всѣ безъ изьяшя неплохіе полиши-
ки, шо нѣдобно — по моему мнѣ-
нію — вновь допросишь его. Какъ
въ спину ему влѣплю нѣсколько
дюжинъ ударовъ нагайкою, шакъ
выскажешъ и шо, чего и самъ не
знаешъ!

Согласенъ съ швоимъ мнѣніемъ,
сказалъ я. Тѣлохранишели! приве-

дите сюда жреца Шемелу, да смотришь, чтобы не ушел. Это опрорде весьма лукаво!

Тьлохранишели поспѣшно удалились. Мы довольно времени продолжали заниматьсья полипическою мудростію, и когда умы наши воспламенились, то слышали шумъ быспро идущихъ людей. Я поднялъ жезлъ, дабы съ перваго разу благословишь жреца Шемелу, а ревностный охранишель чести моей Шамагуль, возвыся нагайку, дѣлалъ ею круги надъ головою, свисши въ воздухъ, дабы плошнѣе усовѣщивашь безсовѣснаго жреца. — Двери опворяющся, воины входяшь съ пасмурнымъ видомъ, и — безъ жреца. Гдѣ же невѣрный Шемела? спросилъ я грозно, опуская жезлъ свой. — Увы! опвѣчалъ спраженачальникъ Баширь: мы пришли уже слишкомъ поздно. Коварный жрецъ опвязанъ опъ дерева, и мы видѣли только двухъ жрецовъ въ великомъ опъ насъ опдаленіи, пробирающихся въ нагорный лѣсъ.

Даже и надежды не было догнашь, а попому мы и не гнались.

Плохо шы сдѣлалъ, возразилъ съ важностію Бекшемиръ, что не погнался за бездѣльниками, даромъ что не было и надежды догнашь ихъ. Я гнался бы за ними на край свѣта. — Плохо, другъ мой! — и очень плохо! вскричалъ я, опшѣшивая удары своимъ песпомъ по бокамъ Башировымъ. — Ужасно какъ плохо! вопіялъ Шамагуль, стегая его плешью, дабы не даромъ свиспѣлъ ею въ воздухъ. — Спрадалецъ вершелся на всѣ спороны, но мы продолжали свои увѣщанія, крича за каждымъ ударомъ: плохо, очень плохо!

Когда мы унялись, попому что вывихали руки и осипли опъ крику, спраженачальникъ, упирая глаза, сказалъ Бекшемиру: чтобъ шебъ, спарый дуралей, сквозь земли провалишься! шы выдумалъ не кспаша проклятое *плохо*, копорое мнѣ дорого стоишь! — Ба, ба! сказалъ я, поднося вельможамъ пол-

ные кубки: эшо походишь на жре-
ческую дерзосшь! Я наказаль бы
тебя, бездѣльникъ, да руки не под-
нимаюшся. Бекшемиръ! возьми у
Шамагула нагайку и попопчуй сво-
его обидчика. — Эшо бы я непре-
мѣнно сдѣлаль, опшвѣчалъ грозный
воевода, если бы у меня было при
руки; а шо видишь, изъ двухъ —
въ правой держу кубокъ, а лѣвою
опираю со лба пошь. Я по крайней
мѣрь разругаль бы плуша хорошень-
ко, но какъ намѣренъ пишь, шо и
эшаго не удаешся. Добро я подожду
другаго случая!

Спраженачальникъ, спеная и
охая, удалился съ своими подчи-
ненными, а мы принялись за са-
мыя важныя разсужденія. Бекше-
миръ храбро разбиваль полчища
Князей Горскихъ и съ грозною
побѣдоносною силою двигался далѣе
и далѣе; Шамагуль даваль мудрыя
законы всему движущемуся подъ
солнцемъ, а я — при столь бли-
зшашельныхъ успѣхахъ моего ору-
жія и полишки, проходиль горы

Кавказскія, предѣлы Моздокскіе, Кизлярскіе, Наурскіе, и наконецъ, восходя на злѣшья ступени престолоа Аспраханскаго и садясь на немъ съ прелестною Княжною Сафиною, восклицалъ во всѣ концы вселенныя: кто равенъ въ небѣ богу Макуку, во адѣ богу Кукаму, и на землѣ могущему Князю Кайшуку 25 му?

Г Л А В А 15 я.

Т а й н ы й с о вѣ т ъ.

Ночь покрыла мрачными крыльями вершины Кавказскія. Не смотря на усшалость, чувствваемую во всемъ тѣлѣ отъ шрудовъ, повесенныхъ въ прошедшій день, я долго не могъ уснуть, и большую часть ночи провелъ въ изобрѣшеніи средствъ къ полученію въ свою собсвенность прелестной Княжны Сафиры. Не находя никакихъ, ибо мнѣ довольно извѣстенъ былъ нравъ Мирзабека, самаго неговор-

чиваго и самаго швердаго въ своемъ словѣ Осешинца, — предался опчаянію, закрылъ голову одѣяломъ, зажмурилъ глаза, и — сверхъ чаянія, скоро заснулъ крѣпко накрѣпко.

Проснувшись, принялся я опяшь за прежнія мысли о Княжнѣ Сафирѣ. Не выдумавши ничего, чшо бы хошя самому мнѣ показалось основательнымъ, положилъ я собрашь полный Совѣщъ, и спросилъ, не придумаешъ ли оный чего нибудь пушнаго.

По собраніи членовъ сего мудраго собранія, я опкрылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью. разумные полишки, и въ особеннoshi вы Шамагуль и Бекшемиръ! увѣряю васъ Княжескою честію, чшо безъ прелестной Сафиры прошивны мнѣ и жезлъ кедровый и колпаль золошисшый! Подумайте и погадайте, головы многоопышныя, какъ бы мнѣ добышь сію красавицу! Божусь, чшо вы меня воскресите!

Послѣ обыкновеннаго предвари-
тельнаго молчанія, начались го-
лоса съ младшихъ членовъ Совѣща:

Первый Совѣтникъ. Постра-
рашья украсья ее, когда будешья
купаешья въ шихомъ заливѣ Терека.

Второй Совѣтникъ. Глупая
выдумка! вопервыхъ пошому, что
Княжна всегда купаешья по шу
спорону ушеса, слѣдшвенно — по-
хишивья — надобно будешья волочь
ее сквозья все владѣнїе Мирзабека.
Она не нѣма, а ошець ея шушишья
не любивья. — Вовшорыхъ: для
Князя и первосвященника бышья
воромъ, кажешья не прилично. Не
гораздо ли благороднѣе, не гораздо
ли величешвеннѣе будешья — оп-
няшья ее силою? Эшо легко можно
будешья произвешья въ дѣйштво,
когда они пожалуюшья слушашья на-
ше богослуженїе: мы пригошовим-
ся, всшрѣшимъ Мирзабека храбро,
Княжну чешсно проводимъ во
храмъ, гдѣ Князь, яко великїй
первосвященникъ, и обвѣнчаешья; а
опца ея, и если будушья съ нимъ

Князья Кунакъ и сынъ его, съ опличнымъ щцаніемъ проводимъ на гайками до границъ изъ владѣній; — вошь мое мнѣніе.

Третій Совѣтникъ. Самое ослиное, за кошорое достоинъ шы когшей Кукамовыхъ! Какъ можно шакое насиліе производимъ въ дѣйство, и при шомъ въ виду всего народа? Чшо подданные подумаютъ о своемъ Князѣ? Если для него не много чести бышь воромъ, шо — думаю — не больше оказашь себя разбойникомъ!

Проговоря сіе Совѣтникъ замолчала и повѣсилъ голову. — Чшо надобно дѣлать, вскричалъ ему Бекшемиръ, и чшо шы полагаешь своимъ мнѣніемъ?

Чшо оба мои шоварищи судили глупо, — опвѣчалъ сей — эшо я чувствую и доказалъ; но какъ въ шполь важномъ обшояшельствѣ послушимъ умнѣе, эшаго не доберуть! Изволь, швоя милость, сказашь свои мысли.

И очень скажу, опивчалъ опважно Бекшемиръ, а припомъ самыя разумныя. Хопя я и военачальникъ, однако же не люблю войны, какъ нѣкошорая часшь нашего плѣла не любилъ зрѣлой крапивы. Война тогда только позволишельна, когда необходимо нужно досшавилъ, или возвращилъ щастіе своему опечешву, и нѣпъ къ тому другихъ средствъ, кромъ кровопролишя. Въ подлежащемъ же, споль мѣлочномъ случаѣ, подумалъ бы я поступишь гораздо миролюбивѣе, и именно: правда, Князь Кубашъ очень жиренъ, но божусь, что не долговѣченъ. Пущь онъ женился на Сафирѣ, когда уже такъ угодно Макуку или Кукаму; пущь живешь съ нею, какъ знаешь, проваль его возьми; увѣряю моею воеводскою чешію, что онъ не проживешь болѣе двадцати, а много шридцати лѣтъ, а попомъ навѣрно околѣешь. Тогда - то Князь Кайшукъ, безъ всякаго уже препяпшвія, женился на прелешной,

обожаемой красавицѣ, и всѣ будущъ довольны! Ну, не лучше ли, не справедливѣ ли всѣхъ мое сужденіе?

Я онѣмль, услыша такую новость ошъ одного изъ первыхъ моихъ Совѣтниковъ. — Бектемиръ! вскричалъ я, развѣ не сообразилъ шы, что по прошествіи придцати лѣтъ я и Сафира будемъ покрышы сѣдинами и глядѣшь въ царство Макуково? Неразумный! какъ могъ шы судишь по своимъ чувствамъ и о моихъ? снесу ли я, чтобы видѣшь юную, прекрасную шеперь Сафиру, къ назначенному побою времени, маперью какихъ нибудь двухъ дюжинъ дѣшей? О Бектемиръ! шы великій полководецъ, но видно никогда влюбленъ не былъ! — Съ дозволенія швоего, Князь, опѣвчалъ Сардаръ, я опроду не влюблялся, да и лучше! человекъу опредѣленному великимъ Макукомъ знашь что нибудь въ мірѣ, не годишся бѣгашъ за пущяками. Развѣ не всѣ равны? одна выше, другая ниже, одна блѣднѣе,

другая румянѣе, одна кудрява — другая прямоволоса. Ну споишь ли эшо шруда, чшобы Князь и цѣлый Совѣшь ломали себѣ головы?

Я глядѣль на всѣхъ молча. Тогда Шамагуль, выступя на средину и возвыся голосъ, сказалъ: желаніе Князя — ешь уже законъ; а пошому должно удовольствовашь оное, чего бѣ шо ни споило. — Красшь Княжну, похищашь ее силою, дожидашься, пока окольбешь Князь Кубашь, несомвѣсно ни съ доспоинствомъ, ни съ полишикою, ни съ сердечнымъ неперпѣніемъ нашего власшелина. Надобно дѣло сіе устроишь шакъ, чшобъ Мирзабекъ самъ опдалъ намъ Сафиру, и приняше ея — считалъ бы особенною для себя чесшію. — Князь Кубашь ешь единственною причиною, для кошорой намъ въ Княжнѣ опказываюшь, а пошому надобно предварительню уничтожишь причину, а слѣдшвія сами собою испребяшся. Но шущъ, чшобъ не надѣлашь шуму и не подвигнушь всѣхъ горь

къ негодованію и мщенію, по должно употребить не остріе меча, а благоразумную хитрость; должно Князя шихомолкомъ достать въ свои руки, содержащъ какъ можно скрытнѣе, и пропустишь слухъ, что пошъ или другой видѣли его въ волнахъ Терека, или висящаго на деревѣ, кто какъ хочешь. Тогда Мирзабекъ не усумнишься опадать за нашего владыку дочь свою, ибо клятва его будешь уже разрѣшена смертію супостата Кубаша. Такимъ образомъ все будешь въ покойствіи, а доставишь прочное покойствіе цѣлому народу на счетъ пошери одного негодяя, едва ли не ешь первое дѣло мудрой полишики!

Прекрасно, мой любезный Визирь! вскричалъ я: ты судишь весьма здраво и дальновидно; но какъ же мы залучимъ негоднаго Кубаша въ свои руки? эшо кажешся, не возможно! — Не будь я Визирь Шамагуль — воззвалъ онъ — если сего не сдѣлаю! Для истиннаго полишика нѣтъ ничего невозможна-

го. Я все придумалъ уже прежде. Одна изъ любимыхъ служительницъ Княжны Сафиры мною подкуплена, и взяла въ задашокъ преданности своей къ сторонѣ нашей два юзлука. На сей вечеръ опспросится она опъ своей повелительницы для свиданія съ сесспрою, выданною въ замужство за Горца Кунакова. Тамъ найдеть она случай повидаться съ Княземъ Кубашемъ, который за щасіе почтеть услышать, что прелестная невѣста назначила ему въ прешій послѣ сего день свиданіе въ кедровой роцѣ, что повыше нашего Княжества на доброй перелесѣ спрѣлы. Не можеть быть, чтобъ онъ опказался опъ исполненія воли своей любезной, воли, сполько для него желанной. По назначенію вѣспницы онъ долженъ быть одинъ, для соблюденія благоприспойности. Онъ явился, наши его вспрѣтять, легко обезоружать, свяжутъ веревками ноги, ибо руки плѣннаго не опасны, засадятъ въ укромную, нарочно при-

гошовленную землянку, и предоставяшь шамъ полную свободу ѣсть, пить, спать и продолжашь сіи занятія, сколько и когда угодно. Но если вздумаешь кричать, что весьма опасно; ибо его голосъ мало чѣмъ уступаетъ звуку огромной нашей храмовой трубы, тогда приспавленные два безсмынныхъ шлохранишеля зашкнутъ ему горшань. Дальнѣйшія происшествія сами собою послѣдуютъ, и надѣюсь, согласно съ нашимъ желаніемъ.

Г Л А В А 16я.

Новыя статьи ордена нагайки.

Сіе мудрое предложеніе единогласно было принято. И подлинно, въ означенное время Князь Кубашъ пропалъ безъ вѣсти. На утро шрешьяго дня Князь Кунакъ и всѣ подданные его всполошились. Ко мнѣ и къ Мирзабеку отправлены чрезвычайныя посольства съ вопросомъ: не замѣтилиль гдѣ слѣдовъ

пропавшаго? — Всѣ съ великимъ прискорбіемъ опвѣчали: нѣтъ? Я хотѣлъ было, слушая своего нешерпѣня, въ шопъ же день опправивъ свишу съ предложеніемъ о бракѣ; но оспорожный Шамагулъ опсовѣшоваль, предспавляя, что такой поступокъ возгордитъ шого Князя, а гораздо согласнѣе будешь съ правилами полипики дожидаться, пока онъ самъ сдѣлаешь сіе предложеніе, а между шѣмъ, какъ скоро успѣюшь орденскія нагайки, шо онъ берешся съ приличною свишою опнести кавалерскіе знаки къ Мирзабеку, и при шакомъ радоспномъ случаѣ напомнимъ ему о спраспномъ желаніи моего сердца. — Я склонился на предспавленіе Визирьское, сполько льспящее моему самолюбію.

Прошло при десятидневія, а посланный за нагайками не возвращался. При всякомъ священнодѣйствіи Макуку присупспвоваль Мирзабекъ съ милою своею дочерью. Мнѣ казалось, что она смощрѣла на меня

сь особенною нѣжностію, а я, чпо-бы на шо достойно соопвѣтствовашь, шакъ усердно надувалъ свой рожекъ, чшо чущь не задыхался. Мирзабекъ, примѣчая шо, усмѣхался дружелюбно, однако, бывая каждый праздникъ во дворъ моему на завшракъ, не упоминалъ ни словомъ о сдѣланномъ мною предложениіи опношительно его дочери; а я — слѣдуя совѣшамъ Шамагула и внушенію собственной спѣси, — молчалъ о шомъ равнодушно, хопи сердце мое день опо дня пылало сильнѣйшею спрасшію къ прелестной Сафирѣ.

Наконецъ, къ общему удовольствію, посланный возвратился съ пяшьюдесяшью нагайками прекраснѣйшими въ свѣшѣ. Топчасъ собрался Верховный Совѣшъ, и по опороженіи положеннаго числа кубковъ, мудрый Визирь Шамагуль вынувъ изъ кармана свершокъ бумаги, сказалъ мнѣ шоржешвенно: величешвенный Князь Кайшукъ! блаженной памяши родишель швой говаривалъ:

хорошее дѣло не скоро дѣлается! А онъ былъ Князь премудрый, и я надѣюсь, что ты, послѣдуя похвальнымъ его правиламъ, проспишь, что я при первомъ разѣ сочиняя грамашу о нашемъ ордень, не могъ придумать всего должнаго, что однакожь, съ печеніемъ времени, щашельно исправилъ. Изволь перпѣливо меня выслушать. Тебѣ извѣстно, что лѣтъ десять назадъ я путешествовалъ съ преученымъ Жидомъ по всей Ташаріи, и былъ даже въ самой Аспрахани, столицѣ всякой мудросши; шамъ-то понабрался я здоровой полишки, науки, необходимой для всякаго придворнаго чловѣка. Между безчисленнымъ множествомъ полезныхъ знаній, мною шамъ пріобрѣтенныхъ, свѣдалъ я, что гдѣ учрежденъ былъ ордень, по уставу коего всякой, поступающій въ сіе сословіе, предъ старшимъ кавалеромъ долженъ былъ спашъ на колѣни и выпрямить спину. Тотъ опвѣщивалъ ему нѣсколько по ней ударовъ

шпагою , послѣ опоясывалъ его , и общесство увеличивалось однимъ кавалеромъ. На семь прекрасномъ усшановленіи основалъ я нѣкошорые спашьи ордена нагайки. Изволь выслушашъ : ихъ не много.

Въ знакъ согласія кивнулъ я головою и Визирь прочелъ слѣдующее : —

Статья 10. Всякой новопринимаемый кавалеръ , для оказанія неограниченнаго почшенія своего къ великому орденскому начальнику и вмѣспѣ къ его ордену , предъ спаршимъ кавалеромъ да преклонитъ колѣна и съ должнымъ благоговѣніемъ да подспавитъ спину свою для приняшя дюжины полновѣсныхъ ударовъ нагаикою; послѣ чего она да вопкнешся ему за поясъ , и онъ да назовешся , наречешся и наменуешся дѣйсшвишельнымъ членомъ ордена. —

Статья 11. Всякой кавалеръ , получившій знаки ордена нагайки ,

да внесеть въ Княжескую казну десяшь юзлуковъ, дабы Князь для чужой чести не шерпѣль напрасныхъ убышковъ.

— Превосходно! вскричалъ я съ восторгомъ. Спашьи десяшая и одинадцашая доспойны бышь написаны золошыми буквами. Они возвеличивающъ славу нашу и ушучнящъ государшвенную мощну. А чшобы дѣло сіе было еще полнѣе, шо поставь двѣнадцашую спашью, чшо Князь власненъ жаловашь одного и шого же человѣка кавалеромъ шолько разъ, сколько государшвенная польза шого пошребуешъ. — О вѣрныя друзья мои! вижу какъ вы печешесь объ испищномъ благѣ опечешсва. Заспавъ, Шамагуль, всѣхъ жрецовъ пишашь грамашы, и подъ опасеніемъ шѣлеснаго наказанія принудь не спашь цѣлую ночь, дабы рано поушру онѣ были гошовы. Между шѣмъ повѣсти всему народу, чшо завпра будешъ общее собраніе на косогорѣ

предъ дворцомъ моимъ. Я хочу сдѣлать открытіе ордена сколько возможно торжественнѣе.

Г Л А В А 17 я.

Кавалеры.

Настало утро вождельнное. Звуки трубъ и бубновъ, взяшихъ съ позволенія Макука изъ храма, возвѣстили начало торжества великаго. — Изъ чершоговъ моихъ, гдѣ всѣ Совѣшники собрались еще на утренней зарѣ, вышли мы съ неизъяснимымъ великолѣпиемъ. Впереди шествовалъ я, имѣя шапку набекрень; по правую руку бдительно Бекшемиръ — на кругломъ буковомъ лошкѣ покрышомъ лоскушомъ краснаго сукна, обшитого серебрянымъ галуномъ, — несъ двадцать нагаекъ; а по лѣвую мудрый Шамагуль, на шакомъ же поднось — сполько же грамахъ. Позади великій Казнохранишель Бикшамъ вы-

спупаль съ большою кожною мошною для вложенія шѣхъ юзлуковъ, кои должны бышь собраны съ кавалеровъ ордена. Далѣе слѣдовало духовенство по старшинству, а весь ходъ заключали служители, несшіе въ одномъ чану множество свѣжей баранины, а въ другомъ просяную водку. — Когда приблизился я къ означенному мѣсту, то пріятно удивился, увидя свои козлы покрытыми новымъ Ташарскимъ ковромъ, что дѣлало ихъ весьма великолѣпными.

Возсѣвши съ важностію, подобающе моему сану и обстоятельству, далъ знакъ къ молчанію, и Визирь Шамагуль прочелъ грамоту во услышаніе всѣхъ. Когда извѣстные моему Совѣту спашьи были такимъ образомъ обнародованы, и я просянулъ руку для приема первой нагайки, Визирь возглашалъ: помедли, Князь, на одну минушу! — Сею ночью, мучась бессонницею, я кое-что вновь выдумалъ. Не согласяшся ли всѣ въ

необходимости, чшобы почтенные кавалеры имѣли ощушительное преимущество предъ не кавалерами? — Конечно шакъ! ошвѣчалъ я; для разумныхъ людей и безсонница бываетъ не бесполезна! Повѣдай, чшо шы выдумалъ! — Шамагуль возгласилъ:

Статья 13. Всякій, удостоенный чести бытъ кавалеромъ ордена нагайки, пользуется слѣдующими правами и преимуществами: 1е Если шаковый встрѣшишь съ не кавалеромъ, да ушшупишь послѣдній мѣсто ему съ почтениемъ; если же заупрямишь и окажешь грубость словами, глазами, губами, руками или ногами, да заплашишь пени цѣлый юзлукъ; въ прошивномъ случаѣ да получишь въ спину десять ударовъ нагайкою, и шого ему въ безчестіе не спавишь, ибо ша нагайка не просшая, а кавалерская. — 2е Если кавалеръ пожелаешь имѣть въ услуженіи жену, или сеспру, или дочь не кавалерскую, да приведущся къ нему, и

пробудушь шамь до шѣхъ поръ, пока не прискучишь ихъ услугами. Буде же такая честь не кавалеру почему нибудь не понравится, по даешься ему сроку два часа, въ кои можешь онъ, внесе двойное прошивъ ушава количества юзлуковъ, исходатайствовать и себѣ ошъ Князя орденъ, и тогда свободно ему пользоваться общими правами. — Зе Если кавалеръ — хопя безъ всякой очевидной причины — приколошишь не кавалера до полусмерши, нѣшъ суда и расправы, шолько бы удары надѣляемы были ни чѣмъ другимъ, какъ орденскою нагайкою.

Симъ оканчивалась моя грамма. Трубы шроекрашно прошрубили, и я — взявъ въ правую руку нагайку и въ лѣвую листъ бумаги, воззвалъ: приближся, великій Визирь мой Шамагуль, и прими доспойную награду за шруды швои, посвященные на пользу опешества! Шамагуль смиренно приближился, преклонилъ колѣна предъ

моими козлами и дугою выгнуль спину. Я ошвѣсилъ ему дюжину ударовъ и повелѣлъ вспашь. Визирь поднялся съ веселымъ лицомъ, принялъ нагайку, зашкнулъ за поясъ, спряшалъ грамашу за пазуху, положилъ въ государшвенную мошну десяшь юзлуковъ, и спалъ на прежнемъ мѣстѣ. — Точно шакже происходило съ Сардаромъ, Бекшемиромъ, съ пою шолько разницею, что онъ выдерживалъ удары съ нѣкошорымъ неудовольшвиемъ, и что-то бормошалъ про себя упоминая Кукама.

Уже девятнадцашь Горцевъ пожалованы были кавалерами, оставалась одна нагайка, и я недоумѣвалъ, кого почшишь ею. Вдругъ увидѣлъ я спраженачальника Башира, спаравшагося скрышься за народомъ, и подозвавъ его, сказалъ: поздравляю шебя кавалеромъ! — Въмѣсто шого, чшобы по примѣру другихъ, въ знакъ благодарности упасшь предо мною на колѣни, онъ ошвѣчалъ ошрывисто: спасибо!

я опнюдь не желаю этой чести!
 во первых — потому, что спина
 моя и шея еще докладываетъ
 мнѣ объ увѣсисомъ жезла швоемъ;
 а во вторыхъ, что счѣшь и цѣну
 вещамъ давно знаю, и не больно
 охочусь плашить десятъ юзлуковъ
 за бездѣлицу, кошорая и самому
 шебъ съ дославкою обошлась не
 болѣе одного! . .

Какъ! вскричалъ я съ гнѣвомъ,
 видя себя въ качествѣ Гросмейсте-
 ра презрѣннымъ опъ моего поддан-
 наго: спража! половина изъ васъ
 поставыше на колѣни сего дерзка-
 го, а другая спѣши къ его дому,
 и какъ онъ не хочѣшь добровольно
 имѣшь чешъ бышь кавалеромъ и
 дашь въ казну десятъ юзлуковъ,
 шо я обязанноспію считаю насиль-
 но почшишь его симъ опличіемъ,
 а потому пригоните сюда изъ его
 сараевъ пятъ барановъ самыхъ
 жирныхъ.

Выслушавъ сіе повелѣніе, шесть
 человекъ спражи бросились за ба-
 ранами, а другіе шесть на своего

начальника, сбили его съ ногъ, расшянули, и я съ величайшею важностію, вмѣсто положенныхъ по уславу дюжины ударовъ, вѣпилъ ему около десяти дюжинъ. Кавалеръ кричалъ, что было въ немъ мочи, но я не ослабѣвалъ въ своемъ усердіи. — Наконецъ, нагайка была вошкнута ему за поясъ, пяшь барановъ пригнано въ мой дворецъ, — началось пиршество великое, и продолжалось чрезъ цѣлый день до глубокой ночи.

Прошло довольно времени послѣ сего доспомяшнаго приключенія, неслыханнаго дошоль на горахъ Кавказскихъ, и я по совѣшу дальновиднаго Шамагула, снарядилъ посольство къ Мирзабеку съ предложеніемъ руки своей дочери его Сафиръ, ибо о смерти Князя Кубаша разнеслось уже по всѣмъ окрестностямъ. Но чшобъ не обидѣшь и другихъ, шо равная почешъ угошована и Кунаку. Къ первому назначенъ великій полишникъ Визиръ Шамагуль, а ко вто-

рому храбрый воевода Бекшемиръ. Свипа каждого соопвѣшествовала важности предмета и лица, Послами представляемаго.

Солнце уже было на закатѣ, а я не видалъ еще возвращенія Пословъ своихъ. Неперпѣнїе мое было чрезмѣрно. Я сидѣлъ на косогорѣ, и безпрестанно ворочалъ головою по направо, по налѣво. Не помню, сказалъ ли я прежде, что по правую руку лежало Княжество Мирзабеково, а по лѣвую Кунаково. — Взошла звѣзда вечерняя надъ Кавказомъ, а я не прогался съ мѣся; мнѣ все хопѣлось дождаться Пословъ, а особливо Шамагула.

Около полуночи — вижу со стороны Ларса (*) идущихъ людей, и вскорѣ познаю Шамагула со спутниками. Не успѣлъ я въ семь совершенно увѣришься, какъ услышалъ голоса по лѣвую руку; озираюсь, и къ великому удовольствію

(*) Имя Княчества Мирзабекова.

распознаю осаниспаго Бекшемира съ храброю дружиною. Они приближились и съ шяжкимъ воздыханіемъ усѣлись у ногъ моихъ. — Свѣплѣйшій Князь! возваль Визирь, конечно несчастная звѣзда свѣшила на небѣ нашемъ, когда запѣяли мы успроишь орденъ нагайки! Посмотри на меня! на кого я похожъ, куда гожусь? — Не успѣлъ я хорошенько разсмотрѣшь его, какъ воевода сказалъ плачевнымъ голосомъ, проливая слезы: Кукамъ вразумиль Визиря Шамагула выдумашъ эшу дьявольщину, копорая вмѣсто почести покрывашъ насъ безславіемъ! — Чшо шакое, вскричалъ я съ движеніемъ нешерпѣливости и гнѣва; я примѣчаю, чшо сосѣдніе Князья приняли васъ не совсѣмъ съ подобающею честію! — Какая честь? воскликнулъ Шамагуль; посмотри на мою спину: ни одного живаго мѣспа не сыщешъ! Выслушай о слѣдствіяхъ моего посольства и суди самъ, какъ изволишь! — Зная всю важность моего сана,

когда подходили мы къ черпогамъ Мирзабека, я приказалъ свистѣ выспушашь какъ можно величавѣе, а самъ поднялъ голову шакъ высоко, что и до сихъ поръ болишь шея. Когда представились мы къ Свѣшлѣйшему Князю, я, въ самыхъ красивыхъ выраженіяхъ повѣдалъ объ учрежденіи побою почетнаго ордена нагайки, и о сопрічисленіи его къ сему знаменишому сословію.

Мирзабекъ выслушалъ меня съ удивленіемъ, а попомъ разсмѣявшись сказалъ: не знаю, что вздумалось швоему Князю выкинуть у насъ шакую диковину; однако я съ удовольствіемъ принимаю подарокъ, присланный весьма кшапи, ибо сего дня, наказывая нѣкошорыхъ придворныхъ, я плѣшь свою измочалилъ. Подавай же швой орденъ! — О Мирзабекъ! воззвалъ я, раздувши для большей важности ноздри: орденъ нашъ долженъ бышь шакъ священъ, что безъ нѣкошорыхъ обрядовъ не лѣзя получишь его. Изволь спашь на колѣни и выпря-

мишь спину! — А на чшобы? — Я вльплю шебъ дюжину добрыхъ ударовъ и — зашкну за поясъ нагайку. Эшаго неопмѣнно пребуешъ усшавъ ордена.

Какъ описашъ поражение Князя, изображавшееся на лицъ его? Нѣсколько времени спояль онъ молча и осмашривая меня съ головы до ногъ. — Или шы — сказалъ онъ наконецъ, — или швой первосвященникъ, или оба — сошли съ ума. Какъ? меня съчь плешью? о! я проучу шебя, невѣжа! чшо эшо? Князь Мирзабекъ будешъ получаешъ удары? Ба, ба!

Онъ далъ знакъ, спражи его меня схвашили, распянули на полу, и одни придерживая, а другіе спегая въ двѣ нагайки, приговаривали: на здоровье, Великій Визиръ Шамагуль! — Я думаю, чшо во всемъ Ларсѣ слышны были мои вопли! Тщешно представляль я непросвѣщенному, чшо ему сдѣлали честь приняш-

емъ въ число собратій ордена; онъ ничего не хощель слышать, и не прежде далъ спражь повелѣніе уняшься, какъ увидѣль, что моя спина и обѣ нагайки сдѣлались мягче пуху. Тогда сдѣлавъ мнѣ проспранное, но дружеское увѣщаніе бышь впредь благоразумнѣе, поднесъ кубокъ водки и велѣль проводить до границы.

Опъ такогo неожиданнаго слѣдствія моего посольства, я закипѣль бѣшенствомъ. — Что же вы дѣлали, бездѣльники! вскричалъ я къ своей спражь: видя, что шакъ поносно оскорбляли моего вельможу? — Мы приспально глядѣли, опвѣчалъ спраженачальникъ Баширъ, какъ вершѣлся, слушали, какъ вопіяль болѣзненно, и пререшали всѣмъ шѣломъ, чтообы не вздумаль Мирзабекъ посшупилъ равнымъ образомъ и съ нами; а спина моя и до сихъ поръ очень помнишь побѣгъ прокляшаго жреца Шемелы и посвященіе въ кавалеры!

Опложивъ изслѣдованіе дѣла сего до удобнаго времени, и обращаясь къ Бекшемиру спросилъ: а ты почему недоволенъ своимъ по-сольствомъ? Развѣ и Кунакъ? — Точно также дружески обошелся со мною, отвѣчалъ печально воевода, съ пою только опимною, что при распаньѣ не дѣлалъ никакого поученія и не поднесъ ни капли водки! . . .

Правосудный Макукъ! вскричалъ я воздѣвъ къ небу руки: клянусь священнымъ рожкомъ своимъ, что эшо не пройдетъ даромъ бездѣльникамъ! — Надосугъ подумаю о способѣ опимщенія, и вы завтра услышите въ моемъ Совѣтѣ, какую мудрость выкину; а между тѣмъ и вамъ не мѣшаетъ подумать о томъ же. Дѣло сіе естъ опчаски и ваше собственное.

Г Л А В А 18я.

Разномысліе въ Совѣтѣ.

Я общалъ моимъ Совѣшникамъ объ упомянутомъ дѣлѣ подумаешь въ печеніе ночи, но никакъ не удалось. Сначала препяшспвовали шому печаль и досада, а пошомъ сонъ. — Солнце было въ половинѣ своего печенія, какъ я показался въ Совѣшъ. Тамъ нашель уже полное собраніе и открыль засѣданіе вопросомъ: что же предприемъ послѣ случившагося приключенія? — Кровопрولیшная война да воздвигнешся между шобою и дерзскимъ Мирзабекомъ, вскричалъ разгнѣванный Визирь; да познаешъ онъ крѣпость мышцы швоей и ужаснешся о своемъ беззаконіи! Се-го же дня собери рашъ силу великую и вшоргнись въ предѣлы Ларскіе!

— Хорошо, молвилъ Бекшемиръ; но будешь ли самъ сражашся? — А зачьмъ? возразиль Шамагуль:

мое дѣло Визирское, шакъ я долженъ воевашъ полишически, шо ешь: языкомъ! — Ага! вскричалъ Сардаръ: шакъ пы чужими руками жаръ загребаешь? Нышь! я не согласень! за чшо проливашь кровь вѣрноподданныхъ? Не за шолы, чшо Визиря и Сардара попошчивали нагайками? Пущое! не лзя посредспвомъ швоей полишики шакъ умудришься, чшобъ Мирзабекъ и Кунакъ, за каждые десяшь ударовъ, намъ данные, согласились заплашишь безчеснѣе и увѣчье по доброму юзлуку, или по жирному барану и по кувшину водки! право ешо было бы здоровѣе, да и орде-на наши окупились бы; ибо, если Марзабекъ угостилъ тебя шполько же исправно, какъ меня Кунакъ, шо мы навѣрное добудемъ десяшка по два юзлуковъ или по шпольку же барановъ и кувшиновъ водки. То-шо пиръ и раздолье!

Выслушавъ мнѣнія двухъ перво-спашейныхъ вельможъ, спросилъ я прочихъ Совѣтниковъ, чшо они

мыслятъ по сему дѣлу; и всѣ смѣкнувъ вѣроящно, что пріятнѣе ѣсть шешлыкъ и заивашъ водкою, чѣмъ понадрасну проливашъ кровь свою и чужую, — единогласно подшвердили мнѣніе Бекшемирово. Я не зналъ на что рѣшишься, какъ Шамагуль, возвыся голосъ, вскричалъ: о Князь! берегись слушашъ совѣщовъ шрусости и лесши! Обезчещеніе одного изъ вельможъ швоихъ не есть ли собшвенное швое, будущихъ дѣшей швоихъ и всего швоего дома? Послѣ шполь неслышанной обиды, оставленной безъ всякаго наказанія, они покушашъ думашъ, — повѣрь моей опышности, — что и самаго шебя, Свѣшдѣйшаго Князя и великаго первошвенника можно уже при случаѣ постегашъ нагайками!

Что же намъ дѣлать? спросилъ я съ уныніемъ; положимъ — мы уже объявили войну. Тушъ опкрывающся два послѣдшвія: или побѣда, или поражение. Последнее съ перваго взгляда никуда не го-

дипся; въ случаѣ же побѣды — я навѣкъ долженъ поперяшь надежду владѣшь прелесшною Княжною Сафиною! Вы знаете, каковъ Мирзабекъ! — Такъ чшожь? сказалъ съ грубосцію Шамагуль: стоишь ли дѣвка, какая бы она ни была, епины Верховнаго Визира, какой бы онъ ни былъ? — Чшо касаешся до эшаго, сказалъ я съ безмѣрною важносцію, по слѣду похвальному обычаю православныхъ предковъ моихъ, скорѣе сорлашусь, чшобъ шебя нагайками вколошили по уши въ землю, чѣмъ лишись Княжны Сафиры!

Вопъ знакъ испиннаго величія духа! вскричалъ Бекшемиръ съ юношескимъ жаромъ. Изъ сего познаю, чшо ты рожденъ къ величайшимъ подвигамъ, и не только можешь со славою возсѣдатель на своихъ козлахъ, подобно какъ возсѣдаешь Кукамъ на своемъ оводѣ, но ты съ большимъ приличіемъ, чѣмъ власпелины Иверіи и Арменіи, могъ бы пощадивашся на изменныхъ ихъ

диванахъ! — Послушайте же еще меня! хотя я не путешествовалъ, подобно Шамагулу, по предѣламъ Ташаріи, однако прошелъ почти всѣ свои горы и въ молодые лѣта служилъ при войскѣ Князя Назбека, — сильнѣйшаго, согласись сами, — всѣхъ Князей Горскихъ. Тушь — по узналъ я, что если между просвѣщенными народами выдешъ распря, то прежде объявленія войны, половина, почищающая себя обиженною, сноситъся съ другою и шребуешъ возможнаго удовлетворенія. Если же тогда опказано будешъ, о! великій Макукъ не оставишь спорны правой!

О Бекшемиръ! вскричалъ я съ воспоргомъ: шы гораздо мудрѣе, нежели мы чаяли! и шакъ, какія условія мы предложимъ Мирзабеку; ибо поладя съ симъ Княземъ, съ Кунакомъ можемъ управляшъся какъ захошимъ. Главнымъ предметомъ да будешъ опяшь шребованіе Сафиры, и шѣмъ всѣ вражды да прекращашъся, а я каждому изъ

вась обоихъ за прешерпѣнные по-
 бои — по благополучномъ совер-
 шеніи вшоричнаго посольства, —
 изъ казны моей обѣщаю по десяти
 юзлуковъ, по два барана и по кув-
 шину водки! Шамагуль! охотно ли
 пойдешь ты посланникомъ къ Мир-
 забеку? — Нѣтъ, ошвѣчалъ Ви-
 зирь: будь справедливъ, о Князь!
 и размысли, не довольно ли будешь
 съ меня и одного раза? Чшо если
 Мирзабекъ не захочешъ бытъ тво-
 имъ шестемъ, шогда Визирю тво-
 ему придется не легче, какъ и ово-
 ду Кукамову! — Я не ошвѣчалъ ни
 слова и вышелъ изъ хранины Со-
 вѣща.

Г Л А В А 19я.

Одно важнѣе другаго.

Прошло болѣе десяти дней,
 въ кошорые собирался мой Совѣтъ,
 но не ушверждено ничего прочна-
 го. Горланили до усшали, но не
 соглашались; наконецъ — по вну-

шенію благодѣтельнаго Макука, — признали всѣ единодушно за лучшее, чшобы отправа новое посольство къ Мирзабеку, настоятельно шребовать удовлешвореніе въ обидѣ, имѣ причиненной, знакомъ ко-его будетъ отдача въ замужство мнѣ Княжны Сафиры; въ прошивномъ случаѣ, да испытаешъ онъ ужась войны кровопроливной.

Казалось, что дѣло сіе получило свое начало, но ни шупь-шо было. Никшо изъ премудрыхъ Совѣшниковъ не хошѣлъ принять на себя великое званіе Чрезвычайнаго, Фолномочнаго Посла. Шамагуль и Бекшемиръ ошговаривались шѣмъ, что съ нихъ довольно будетъ чешши, полученной при прежнихъ посольствахъ; а младшіе Совѣшники предшавляли, что какъ они — по долгу присяги и совѣши счишающъ себя не въ примѣръ глупѣе Шамагула и шрусливѣе Бекшемира, то и не осмѣливающъ споль дерзосшно принять на себя исполненіе ешоль ошважнаго дѣла, не

предугадывая, чѣмъ оно кончилось.

Что за пропашь, — сказалъ я сердито, вставая съ козель и поднявъ наполь-аршина жезлъ свой, — на чѣмъ же оснуемъ положеніе Совѣща? говорите проворнѣе, ибо я начинаю уже чувствовать голодъ и жажду!

Тутъ произошло странное явленіе. Одинъ представлялъ мнѣ поварища своего, яко величайшаго вишію, а сей наоборотъ описывалъ его неуспрашимѣ льва и прозорливѣе рыси; каждый уже напросивъ шого смиренно называлъ себя боязливѣе зайца и глупѣе ишека.

Удивленный такимъ необычайнымъ происшествіемъ, я послѣ сказалъ: вижу, мои Совѣщники, что вы тогда только превозносили мудрость свою и храбрость, когда опоражниваете мои кубки и пожираете моихъ барановъ. Когда же придетъ надобность доказать и то и другое на дѣлѣ, тогда вы настоящіе раки!

Проговоря сіи слова, я въ первый разъ вышелъ изъ своего Совѣща въ негодованіи и не пригласивъ къ себѣ никого изъ членовъ онаго. — Едва спуилъ я на порогъ, какъ голосъ Шамагула раздался въ спѣнахъ храмины: помедли, Свѣшлѣйшій Князь, и выслушай слова швоего вѣрнѣйшаго подданаго! — Когда уже никто не хочешь выполнить желаніе сердца швоего, то я беру сіе на себя; вшорично предаю спину свою испязанію, и довольно почшу себя ушѣшеннымъ, если Сафира усладишь шебя своими лобзаніями! видно всеблагой Макукъ положилъ въ завѣшъ своемъ ошаспливишь своего первосвященника посредствомъ Визиря его, ибо въ сію минушу чувствую вдохновеніе и надѣюсь, что ты, послушавъ моего, совѣща не будешь, раскаявашься! — Скорѣй! любезный Шамагуль, объяви его; не шерпѣніе мое чрезмѣрно, говорилъ я, возвращаясь въ чертогъ Совѣща. — Вошъ мои мысли, сказалъ

Шамагуль, изволь ихъ выслушать, я почто счишаю шеперь себя вдохновеннымъ: — какъ Мирзабекъ ошказался опъ чеспи бышь собрашомъ нашего сословія, по надобно польспишь ему другимъ образомъ, а именно: приличными швоей и его особъ дарами. Они будущъ соспояшь въ слѣдующемъ: 1 е красивый швой конь со всѣмъ Кабардинскимъ приборомъ; 2 е на случай дожда и снѣга пара лучшихъ бурокъ; 3 е два молодыхъ быка; 4 е пары при чешыре жирныхъ барановъ; 5 е дюжины двѣ при индѣйскихъ пѣшуховъ и куръ, и 6 е наконецъ — два бараньихъ шулука водки. — Тебѣ, да и всѣмъ извѣсно, что хошя Княжесшво швое и Мирзабеково спояшь въ виду одного другаго, однако разспояніе между Княжескими дворцами будешъ добрыхъ пяшь перелешовъ спрѣлы изъ лука. — Взявъ съ собою свишу и шѣлохранишелей побольше, чѣмъ въ первый разъ, я опсправлюсь въ Ларсъ съ подарками. Конь швой,

на спинѣ у кошорато будуть ле-
 жашь лукъ, колчанъ со стрѣлами и
 двѣ бурки, опкроешь шесивіе. Его
 будущь веспи подь уздцы двое слу-
 жишелей, чшобы показашь, чшо
 онъ непомерно решивъ. А чшобъ
 онъ и впрямъ не слишкомъ былъ
 зашѣнчивъ, шо мы, приближаясь
 къ Дарсу, привяжемъ въ удобномъ
 мѣстѣ комокъ кабаньей щетины, и
 шакъ онъ, при каждомъ движеніи хво-
 спа, поневоля начнешь храпѣшь и
 брыкашья. — Ты понимаешь, чшо
 конь швой на сей разъ будешь пред-
 сшавляшь швою особу, и брыканъ-
 емъ, сопровождаемымъ фырканьемъ
 и ржаньемъ, живо предшавишъ
 любовную швою непернѣливосшь. —
 Въ сообразносшь съ сямъ Шамагуль
 хощель прodelжашь усердно, а и,
 будучи плѣненъ его рассказами, еще
 усерднѣе слушаешь, какъ вдругъ вбѣ-
 гаешь къ намъ въ Совѣшь (у насъ
 эшо не запрещалось) одинъ изъ
 спражей Князя Кубаша. — Мы всѣ
 единогласно ахнули, и на вопросъ:
 чшо эшо значишь? получили въ

опвѣсть: о Князь! о вы мудрые
 Совѣтники! выслушайте общую
 опасность! — Говори, сказалъ я,
 и едва воинъ разинулъ ротъ по-
 шире, дабы вѣщать явственнѣе,
 какъ одинъ изъ дворцовыхъ служи-
 шелей вбѣжалъ еще проворнѣе, и
 объявилъ, что если мы будемъ
 мѣшкашь въ своемъ Совѣтѣ, то
 весь обѣдъ просынешь, и — хоть
 брось! — Совѣтники уважили ша-
 ковое представленіе, замѣшивъ, что
 слушаешь объ опасностяхъ, угро-
 жающихъ отечеству, никогда не
 поздно; а если прозвѣшь обѣдъ,
 такъ надо будешь ждаться ужина! —
 Замѣчаніе сіе мнѣ понравилось, я
 пригласилъ важнѣйшихъ особъ къ
 своему обѣду, а воину велѣлъ до-
 жидаться на дворцовомъ крыльцѣ,
 пока позванъ не будешь.

Г Л А В А 20 я.

Умноженіе доходовъ.

Когда мы надлежащимъ обра-
 зомъ удовлетворили двумъ важнѣй-

шимъ нуждамъ человѣческимъ, по еспь голоду и жаждѣ, опъ чего еспешвенно сдѣлались въ рѣчахъ замысловащѣ, я повелѣлъ предспа-вишь къ себѣ воина, хошѣвшаго объявишь намъ о какой-шо опасно-спи. — Онъ явился и повѣдалъ о разныхъ слухахъ, по коимъ Князь Кунакъ началъ имѣшь подозрѣнїе на Князя Кайшука въ погубленїи сына его Князя Кубаша, а пошому пригошовился вооруженною рукою опмсшишь за сію шяжкую обиду, и уже собралъ до пшидесяши чело-вѣкъ вооруженныхъ рашниковъ.

При шакомъ извѣспїи, не знаю кпо бы не задумался. Совѣшники мои по примѣру Азіяшскихъ, а можешъ бышь и Европейскихъ Совѣшниковъ, пошупили глаза долу и смиренно ожидали моего глагола, имѣющаго произойши съ козелъ. — Я, по довольномъ размышленїи, надувалъ для важности щеки, и предспавя себя охрицлымъ, сказалъ: для меня сполько же опасень Кунакъ, какъ моя цѣпная собака. По-

давай его сюда, я гошовъ съ нимъ
вспрѣшпшься, хопя бы было у не-
го и сто воиновъ! — Но вопъ об-
спояшельство, засшавившее меня
позадумашься: воинъ объявилъ, что
у Кунака всъ рашники вооружены
исправно, а наши почши всъ, кро-
мь орденскихъ нагаекъ, ничего не
имбюшь! Одни знашнѣйше могушь
похвалишься вооруженіемъ, но они
должны болѣ повельвашь, чѣмъ са-
мимъ сражашься. — А гдѣ возьмемъ
оружія? У меня въ казнѣ крайнее
оскудѣніе, ибо я поновилъ храмъ
боговъ, Княжескій дворець и перво-
священническое облаченіе. Посу-
дише, чего все эшо спойло, не
говоря уже о вседневномъ домаш-
немъ расходѣ!

О храбрѣйшій изъ всѣхъ храбр-
рыхъ, — воззвалъ величешвенно
Шамагуль: будь покоень! казна
швоя умножншя седмерицею, —
за шо ревностно берешя Визир-
ская полишпка! Но прежде неже-
ли опкрою шайну какъ досшиг-
нушь сего намѣренія, дозвошь храбр-

рому Сардару шестцовашь съ приличною свисою къ Князю Кунаку, и пребовашь перемирія на два десятидневія, а между шѣмъ я поспараюсь выполнишь свой замысль.

Превосходно! воззвалъ я; выдумашь чшо, нибудь умнѣе — не возможно. Такъ! готовься, Бекшемиръ, доказашь свѣшу великія свои дарованія, и опсправляйся въ дорогу! — О Князь! ошвѣчалъ уныло Бекшемиръ, расправляя усы, не пристойнѣ ли прозорливому Визирю Шамагулу, какъ изобрѣшашелю сего дѣла, взяшь на себя выполнение онаго? — Никакъ, возразилъ Шамагуль, мнѣ нѣкогда будешь сего сдѣлать, ибо долженъ и безъ шого заняшь двумя дѣлами, ш. е. спарашься усемерить доходы Княжескіе и готовишься составишь посольство къ Князю Мирзабеку.

Всѣ признали рѣчь Шамагулову справедливою, и Бекшемиръ опсправился въ нушь въ сопровожденіи

шести человекъ изъ собственныхъ моихъ пѣлохранищелей. После сего распушилъ я свой Совѣтъ и оспался съ однимъ Визиремъ Шамагуломъ.

Ну, Визирь, сказала я: объяви мнѣ пещерь свою пайну касашельно приумноженія казны моей! — Я всегда, ошвѣчалъ Шамагуль — совершенно согласенъ былъ съ мнѣніемъ просвѣщенныхъ Европейцовъ, что на свѣтѣ все бываетъ къ лучшему. Хотя Мирзабекъ изрядно подшупилъ надъ моею спиною, однако нагайка послужилъ пещерь къ нашему щасію. Изволь выслушать: съ каждаго кавалера получаешь пы по уошаву десять юзлуковъ, а у тебя оспаеися еще въ запасъ шридцать нагаекъ. Завтра произведемъ сполько же новыхъ рыцарей, а старыхъ лишимъ ордена, дабы черезъ два часа опяшь раздавашь оные и получаешь подашь. Причину къ ошняшю ордена покажу я самъ на себѣ, и при новомъ посвященіи внесу въ казну швою усша-

новленную плашу и великодушно вышерплю дюжину ударовъ. Повѣрь мнѣ, продолжалъ Визирь, что и самые просвѣщенные Европейцы шакже поступаютъ; да и самая справедливостъ шого пребуешъ. За что награждашъ подданныхъ чинами и знаками опличія, когда Князья не будутъ имѣть ошъ шого существенной пользы? а существенная польза состоитъ въ умноженіи нашихъ доходовъ. Такъ судитъ Визирь Шамагуль, шакъ должна судитъ здравая полишика, и шакъ она всегда судила.

Г Л А В А 21 я.

В о о р у ж е н і е.

Къ вечеру возвратился великій вождь мой, и къ не малому удивленію повѣдалъ, что упрямый Кунакъ не соглашаешся дать перемиріе болъе, какъ на три дни, въ которые съ обѣихъ сторонъ должно бышъ приложено всевозможное спа-

раніе опыскашь вѣрныя свѣдѣнія о сынѣ его Князь Кубашъ.

Мы поглядѣли одинъ на другаго молча, но мудрый Шамагуль успокоилъ насъ слѣдующими словами: Великій Макукъ не попустишь гордоспи возвышашъ рогъ свой, и надмѣнный Кунакъ падешъ съ высотъ козелъ своихъ, какъ падешъ ишекъ, обрушашъ въ пропасть съ горнаго ушеса! Вели немедленно опщишашъ всѣ юзлуки свои безъ ошашка. Я опсправлю вѣрныхъ и проворныхъ воиновъ къ Князю Казбеку для покушки оружія. У него не по нашему, и всегда ешь изрядный запасъ въ оношь. Въ случаѣ же опказа, велю украсшь, сколько можно больше. Здравая полишика опнюдь сего не запрешашъ. Чшо же касается до шого, чшо у шебя не ошанешся ни апроша, шо пожалуй не печалься, а помни шолько мои совѣшы о размноженіи кавалеровъ ордена нагайки.

Какъ сказано шакъ и сдѣлано.

Двадцать человекъ опышнѣйшихъ изъ вѣрноподданныхъ, прославившихся удальствомъ въ кражѣ и разбойѣ, съ сопнею юзлуковъ отправлены къ Свѣплѣйшему Князю Казбеку, при чемъ не забылъ послать орденскую нагайку съ грамапою, шолько я за лучшее разсудилъ не требовать отъ него урочной подаши и не давать дюжины ударовъ въ спину. Едва сіи посланцы скрылись изъ виду, какъ въ Княжествѣ моемъ произошло возмущеніе, и главою онаго былъ — Визирь Шамагуль! Онъ плошно поколошилъ нѣсколькихъ некавалеровъ за то, что они не отпускали къ нему въ услуженіе женъ и дочерей своихъ. Кавалеры всступились за собрата, и дѣло кончилось шѣмъ, что всѣ съ разбитыми носами, подбитыми глазами, растерзанными плащями — пришли къ козламъ моимъ требовать правосудія. Шамагуль сдѣлалъ мнѣ знакъ, и я вмигъ догадался, что дѣлать должно.

Просидѣвъ нѣсколько времени въ молчаніи, какъ будто задумываясь что лучше сдѣлать, я съ величайшею важностію произнесъ: правосудный Макукъ! возможно ли, чшобы первоспашейные мои подданные шакъ себя позорили? Прилично ли кавалерамъ почшеннаго ордена нагайки осквернять ее столь подлымъ употребленіемъ? Развѣ у насъ нѣтъ лѣсу и мало дубинъ? Повелѣваю каждому изъ кавалеровъ ошдать обратно знаки сего опличія, и завпра поушру на семь же мѣспѣ собравшись, ожидашь дальнѣйшихъ приказаній!

Первый Шамагуль съ глубочайшимъ благоговѣніемъ повѣсилъ на козлахъ свою нагайку. Прочіе ему послѣдовали. Тогда я далъ знакъ одному изъ шѣлохранишелей ко мнѣ приближись, вручилъ ему нагайки для ошносу во дворець, и съ самымъ сердитымъ лицомъ оставилъ собраніе, мигнувши Визирю, чшобы навѣспилъ меня шайно.

Всякой легко догадаешься, въ чемъ сосполяли мой съ нимъ совѣщанія. — На утро слѣдующаго дня народъ собрался передъ моими козлами. Тогда я воззвалъ: благородные Осепинцы! хошя вчера, въ жару перваго гнѣва и лишилъ я многихъ изъ васъ нагайки, но по довольномъ разсужденіи и внемля движенію сердца моего, я возвращаю обратно знаки ордена лишеннымъ, а сверхъ того заблагоразсудилъ и новыхъ нѣсколько пожаловать — на основаніи ушава.

Не могъ я не замѣшить, что большая часть предстоящихъ вздрогнули и поблѣднѣли; шакъ имъ не хотѣлось разсшаться съ юзлуками! Шамагуль первый вшорично удоспоился кавалерскихъ почешей, и съ видомъ великой радости выдержавъ удары, ошцишалъ ушановленное число юзлуковъ; за шомногіе покушались убѣжать, и вѣрно бы шосдѣлали, ешлибъ мой шѣлохранишели ошъ шого ихъ не удержали. Нѣкошорыхъ насильно

посвящали въ рыцари, и за неплашежь денегъ брали козловъ и барановъ. Опять всѣхъ упряме оказался Спраженачальникъ Баширь, и опять получилъ дюжинъ пяшь ударовъ въ спину. Въ народѣ родился ропощъ, но я мало о томъ забошлся, а особливо видя, что государшвенная казна гораздо расшолшѣла.

Едва кончился сей шоржешвенный обрядъ, и не всѣ еще вѣрно-поданные ошерли свои слезы, пролишые опъ пошери юзлуковъ и выдержанія ударовъ, какъ появились Послы мои опъ Князя Казбека, и увы! съ пущыми руками. Вмѣсто ожидаемаго оружія, Посоль вручилъ мнѣ грамашу, въ кошорой означено, что для него Казбека мои юзлуки со всѣмъ не нужны, а въ оружии предшоишь всегдашняя надобность.

Шамагуль, принявъ грозный видъ, спросилъ у Посольшва: чего вы смощрѣли, бездѣльники? не ясно ли я приказывалъ, чшобы въ

случаѣ отказа со стороны Князя Казбека постарайся — о Визирь! подхватишь Посоль: приказаніе швое весьма намъ памятно будешь! Когда было вошь эшошь удалой молодець залѣзь въ оружейную палашу Княжескую, шо его поймали, и въ присущствіи всѣхъ насъ шакъ попомчывали нагайками, чшо до гроба шого не забудемъ!

Чшо же спанемъ дѣлашь? вскричалъ я къ собранію: не уже ли съ дубинами полеземъ сражашься? — А почему бы и не шакъ? воззвалъ Шамагуль съ шаиншвеннымъ видомъ. И дубиною хорошею можно ловко огрѣшь супосшаша. Но какъ Князь Кунакъ далъ намъ сроку до послѣ заштра, шо мы должны ускоришь временемъ, и сею же ночью доблшвенный Бекшемиръ съ избраннымъ воиншвомъ вшоргнешься въ предѣлы вражескіе, поразитъ беспечныхъ, и клянусь — чшо съ раннимъ ушромъ мы будемъ въ храмъ Макука приносить шоржешвенное благодареніе объ одержанной

побѣдѣ. Моя полишика — никогда меня не обманывала!

Склонясь на сей совѣтъ въ первой разѣ по необходимости, я даю повелѣніе немедленно изъ всего Княжества собратсья на дворъ моему всѣмъ, кои могутъ носить оружіе, и черезъ полчаса предстать предъ нами многочисленный строй. Каждый изъ воищелей емошрѣль грознѣе Кукама.

Тогда мужественный Бектемиръ, расставя рашниковъ на Европейскій образецъ, ш. е. по росту, переищипаль ихъ, и всѣхъ, — включая и меня! съ Членами Совѣта и щелохранищелями, оказалось во семдесятихъ два челоуѣка. Съ шакимъ воиншвомъ я пошелъ бы на самаго Князя Казбека. — Подаль знакъ, молчаніе разлилось глубокое, и я — поднявъ голову, произнесъ къ воиншву:

Храбрые Осепинцы! было бы вамъ извѣстно, что негодный Князь Кунакъ, по причинамъ самымъ ничшожнымъ, объявилъ намъ войну. —

Повѣрше мнѣ, яко Князю и перво-
 священнику, что за шаковую дер-
 зость будешь онъ доспойно нака-
 занъ! Но — друзья поварищи!
 какъ не у всѣхъ насъ есть надле-
 жащее вооруженіе, по я съ пре-
 мудрымъ Совѣтомъ нашли прекрас-
 ный способъ замѣнишь оное. —
 Поспѣшимъ, не перья времени, въ
 ближнюю буковую рощу, и каждый
 изъ васъ сруби себѣ по доброй ду-
 бинѣ, кошорою съ одного маха мо-
 жно бы разможжишь голову. Послѣ
 въ печеніи ночи вспунимъ въ пре-
 дѣлы Кунаковы. Чѣмъ кпо изъ вра-
 говъ будешь спашь крѣиче, шѣмъ
 шому будешь хуже. Какъ скоро
 побѣдимъ, — я дозволю вамъ цѣ-
 лые шри часа грабишь Княжешво,
 дѣлашь кому заблагоразсудишь —
 насилія, а старыхъ и молодыхъ
 брашь въ плѣнѣ. Послѣ — всѣхъ
 живыхъ опправимъ въ Моздокъ и
 продадимъ, ибо шамъ покупаюшь
 всякую сволочь. — Посудите, храб-
 рые люди, сколько вдругъ предшо-
 ишь вамъ выгодъ! —

По окончаніи сей рѣчи, копорая красопою и великолѣпїемъ удивила самаго Шамагула, а особливо при мысляхъ о грабежѣ и насильствѣ, до чего онъ былъ крайне лакомъ, — воины, бросясь въ дома свои за шопорами, черезъ десясть минушъ явились гошовы, и всѣ шоржеспвенно опсправились въ буковую роцу. — Весьма скоро дѣпельные воины вооружились преспрашными дубинами, храбро ими помахивали, и прїяшнїй для нихъ свиспъ въ воздухъ раздавался. Я улыбался, взирая на ихъ мужеспво.

Г Л А В А 22 я.

Сраженїе.

Едва вышли мы изъ - за роци, какъ увидѣли одного изъ нашихъ шариковъ, спѣшащаго изо всѣхъ силъ. Въ недоумѣнїи мы оспановились. — Приближась къ намъ, онъ воззвалъ унылымъ голосомъ: помедди, Свѣшлѣйшїй Князь, и вы-

слушай о несчастіи, постигшемъ тебя въ сіе время! — Когда ошправился ты для вооруженія рапниковъ, то забралъ всѣхъ, чего нибудь спующихъ, ошцава насъ дряхлыхъ спарцевъ, женъ и дѣшей. Коварные жрецы шого шолько и дожидались. Они бросились къ крѣпости, ошбили двери и освободили прежняго первосвященника Маркуба! —

Правосудный Макукъ! вскричали вдругъ я, Шамагуль, Бекпемиръ и весь Совѣтъ. — Возможно ли возопилъ Визирь, что и я — не хвасшовски скажешь, первый полищикъ на горахъ Кавказскихъ, не смѣкнулъ о шомъ! О злобные жрецы! настоящіе дѣши Кукамовы! это не прѣйдешь вамъ даромъ! — Не печалься, Шамагуль, сказалъ я запальчиво: клянусь первосвященническимъ колпакомъ моимъ и священнымъ рожкомъ Макука, я велю всѣхъ ихъ орденскими нагайками колошнить до полусмерши; а Маркубу жезломъ своимъ переломать

руки и ноги; тогда уходишь забудешь!

О Князь! продолжалъ спарикъ: ты не все еще выслушалъ: какъ скоро жрецы увидѣли Маркуба на свободѣ, то откуда ни взялся также и невѣрный Шемела. Свяшые опцы! вскричалъ онъ: мы должны опмспити за себя свяшопашцу Кайшуку. Мнѣ извѣсно мѣсто, гдѣ хищникъ започилъ крошкаго Князя Кубаша. Пойдемъ, освободимъ его, онъ будешь нашимъ защипникомъ! Тогда бросились всѣ вверхъ на косогоръ, и весьма въ корошкое время возвратились съ сыномъ Кунака. Маркубъ воззвалъ: я законный первосвященникъ Макука; а потому, гдѣ я, шамъ и кащице нашего бога! Свяшые опцы, спупайте за мною! — Тушъ бросились они къ священной пещерѣ, сняли съ подножій лики обоихъ боговъ, взяли всѣ ризы жреческія и всѣ орудія священнодѣшвенныя, не оставя и серебрянаго рожка, изъ кошораго извле-

каль шы споль звонкіе визги ; по-помъ всѣ опсправились въ Княжесшво Кунака , и думаешь надобно — шеперь уже шамъ !

Сшарикъ умолкъ , и мы всѣ въ онѣмнїи глядѣли другъ на друга неподвижными глазами. Бекшемиръ , первый получивъ упошребленіе языка , сказаль со сшономъ : спало бышь прокляшый Кунакъ знаешъ уже о намврениі нашемъ напасшь на него въ расплохъ ? Погибли мы невозвращно ! вошь , чшо надѣла-ло , Князь , швое мягкосердїе ! Ес-либъ шы приколошилъ Маркуба до смерши , сего бы не было ! Ну , мудрый Шамагуль ! чшо велишь намъ дѣлашь шеперь швоя поли-шика ?

Визиръ пожалъ плечами и мол-чаль. Вдругъ изъ-за горы показа-лось ополченіе Кунака. Оно со-спояло человѣкъ изо спа ; всѣ одѣ-шы были исправно и вооружены саблями , луками и копьями. Уви-дя ихъ , всѣ мы ахнули и дубины наши опусшились. Супосшашы

остановились на перелѣшъ стрѣлы, и одинъ изъ спарѣшинъ ихъ пошелъ къ намъ бодрыми шагами. При немъ былъ знакъ Посольскій, состоящій въ длинномъ шестѣ, на верху коего развѣвался бѣлый хвостъ конскій. Приблизясь ко мнѣ онъ сказалъ: именемъ Свѣшлѣйшаго повелителя моего Князя Кунака буду говорить съ тобою, Кайшукъ! На кого ты вооружился? на насъ, или на собакъ нашихъ? Самъ видишь, что вмѣсто того, чтобы священнодѣйствовать, влюбляясь въ чужихъ невѣстъ и жениховъ ихъ воровски сажашъ въ подземельныя ямы, тебѣ бы должно было обезопасить народъ свой оружіемъ и прокормленіемъ! Теперь знай: если хочешь ты спасенъ быть, то согласишь плашешь Князю Кунаку каждомсячно по десяти добрыхъ юзлуковъ, или по спольку же барановъ; всегда называшъ его повелителемъ, держашъ сторону его въ войнѣ и мирѣ, и не смѣшь безъ воли его никого изъ подданныхъ на-

казывашь ; ибо , судя по поступкамъ съ Посломъ Далай - Ламы , съ первосвященникомъ Маркубомъ и со многими другими, шы изрядный забіяка ! Теперь объяви , на что шы рѣшишься : живь ли подь опекою Князя Кунака , или погибнушь на своей волѣ ?

И самый недогадливый весьма легко догадается , въ какомъ горестномъ былъ я тогда положеніи . Я скрипѣлъ зубами , потъ орошалъ лице мое . Негодование , самое бѣшенство — овладѣли мною . Я не зналъ , что отвѣчать Послу . Наконецъ — видя извѣщельный взоръ его , ожидающій отъ меня согласіе на столь унижительныя условія , я получилъ употребленіе чувствъ ; распрямился , схватилъ у ближняго рашника дубину въ обѣ руки , и промолвя : вопъ отвѣшь мой презрѣнному Кунаку ! хотѣлъ огрѣшь Посла ; но онъ успѣлъ отскочить , и я три раза самъ около себя обошелся . Посолъ бросился бѣжать , и скоро достигъ своего полчища ,

которое видя сдѣланный ему пріемъ, начало къ намъ подвигаться, и скоро сдѣлало выстрѣлъ изъ луковъ. Нѣкоторые изъ моихъ подданныхъ человекъ съ десятокъ, будучи снабжены такимъ же оружіемъ, пѣмъ же опвѣчали. Но какъ вражія сила подавалась все впередъ далѣе и далѣе, то вскорѣ рашь моя — какъ не бывала, а храбрый Сардаръ Бекшемиръ, и мудрый Визиръ Шамагуль — едва ли не первые обратились въ бѣгство. Тщешно пытался я воплемъ своимъ ворошить ихъ, нѣшь! и — я оспался одинъ съ моимъ опчаяніемъ. Пользуясь густымъ облакомъ пыли, подняшой на полъ битвы решивыми моими воишелями, обратившимися во свояси, я бросился обратно въ буковый лѣсъ, служившій мнѣ мѣшпомъ укрышя. Бодро бѣжалъ я все вдаль, и хопя не одинъ разъ, ударившись лбомъ о дерево, падалъ, но не теряя присущствія духа, вскакивалъ и продолжалъ бѣжать. Наконецъ дыханіе мое спер-

лось, остановилось, глаза закрылись, я палъ въ безчувствіи на землю, и пробылъ въ семъ болзненномъ положеніи всю ночь и часть ушра.

Солнце спояло уже довольно высоко, когда открылись глаза мои. Какое соспоянiе могло бытъ моего гореспнѣ? Въ споль коропкое время попереяшь Княжеспво и Саѣиру! о Макукъ! что я шеперь шакое?

Въ бѣгспвѣ своемъ былъ я сполько еще счаспливъ, что очень мало расшерялъ изъ необходимыхъ для меня вещей, при мнѣ бывшихъ. У меня оспались: кинжалъ, сабля и лукъ съ колчаномъ спрѣлъ; за шо денежная казна, собранная съ новыхъ и поновленныхъ кавалеровъ ордена нагайки, Княжеспкая шапка, и дорогая серебряная цѣпь, носимая мною на шеѣ — все исчезло. — Куда я обращаюсь шеперь? въ свое Княжеспво? шущъ явная погибель! идиши далѣе, шого и гляди, что попадешъ въ рошь голодному медвѣдю или горному вепрю!

Размысли о семъ самъ съ собою, безъ помощи прежнихъ Совѣтниковъ, и призвавъ на помощь Макука и Кукама, направилъ шествіе свое впередъ, надѣясь пробраться въ Великую Кабарду, гдѣ владѣвшій Князь былъ другъ ошцу моему, и коего склонилъ на свою сторону я не сомнѣвался; онъ былъ могущесшвеннѣе пѣши Князей Горскихъ, и пошому съ его помощію могъ бы я добрымъ порядкомъ опдѣлать Князей Кунака и Мирзабека; если же шамъ почему нибудь не удастся, шо пойду въ Моздокъ, первый обласшной городъ Хана Аспраханскаго, а послѣ проберусь въ самую сполицу, гдѣ предшавя несчастіе свое мудрому, крошкому, могущесшвенному Хану Сумсушдину, испрошу у него помощь, возвращу досшояніе предковъ моихъ, и дѣла свои поведу совсѣмъ иначе, чѣмъ было доселѣ; и менѣ спану полагаюсь на мудрость своего Визиря и на храбрость Сардара.

Таковая лспивая надежда подкрѣпила силы мои, и я бѣгство свое не иначе щипалъ, какъ полезнымъ пушешествіемъ, необходимымъ для всякаго человѣка, копорому рожденіе его давало права повелѣвать другими. — Мѣста, мною проходимыя, были необишаемы ни людьми, ни полезными живошными: кромѣ ползающихъ змѣй и скорпіоновъ и летающихъ орловъ и коршуновъ, я ничего не видалъ. — Къ исходу другаго дня опъ усталости и голода я началъ ослабѣвать въ шѣлѣ, но духъ мой еще бодрствоваль. — Что мѣшкашь, — возразиль я; развѣ нужда не все дозволяешь? — Я заспрѣлиль огромнаго яспреба, оципаль его рачипельно, выпошрошилъ кинжаломъ, развелъ огонь помощію пренія двухъ сухихъ кипарисныхъ прущевъ, и вошкнувъ на вершелъ, жариль, жариль до пошу лица, и наконецъ изжариль. Хошя мнѣ не досшавало хлѣба, или просяной

водки, хошя жаркое мое было шверже сухой бараньей кожи, однакожь я съѣлъ его все безъ оспашку, и безъ подшилки овечьихъ кожъ заснулъ весьма крѣпко на зеленомъ дернѣ.

Такъ, по моему счешу, прошло около шрехъ десяти-дневій, и наконецъ — благодареніе Макуку! увидѣлъ цвѣтныя берега Терека, гдѣ оканчивались шпремнины Кавказскія, и глазамъ моимъ предшавилась прелестная, необозримая равнина, а по берегамъ рѣки шѣнисшыя перельски. — Я по наслышкѣ зналъ, что слѣдуя шеченію Терека, достигну до Кабарды; и пошому запасшисъ дюжиною жареныхъ яшребовъ, спушилсѣ съ послѣдняго косогора, преклонилъ колѣна, принесъ благодареніе небу, сохранившему меня здоровымъ и невредимымъ чрезъ шполь долгое время среди ежеминушной опасности, и напившисъ воды изъ Терека, пушилсѣ по шеченію его въ пушь свой далѣе.

Г Л А В А 23я.

Неожиданная встрѣча.

Пока проходилъ я мрачные лѣса и пещеры, до тѣхъ поръ не обращалъ на самаго себя никакого вниманія. Но какъ скоро ясное, полное солнце освѣшило меня со всѣхъ сторонъ, то я — посмотривъ въ едва колеблющіяся струи Терека, опскочилъ назадъ опъ ужаса. Представъше себѣ живошное съ двумя ногами, покрышыми грязью и запекшеюся кровію, не имѣющее на себѣ другаго покрова, кромѣ лохмошьевъ, развѣвавшихся вокругъ его, съ лицомъ, подобнымъ цвѣшомъ ногамъ его, съ мушными, впалыми глазами, надъ коими висѣли спекшіеся концы волосъ, и при малѣйшемъ движеніи головы шакже двигались шуда и сюда и производи-ли шочный видъ пѣявиць, въ грязи клубящихся, — въ добавокъ всего представъше живошное сіе съ лукомъ въ рукахъ, съ колчаномъ за

плечами, съ препоясанною по голу почши шьлу саблею — и вы предсхавише истинное погда изображеніе Свѣшльйшаго Князя Кайшука, обладавшаго не за долго предъ шьмъ цѣлымъ народомъ и первосвященствовавшаго предъ богами! — О Макукъ! о Кукамъ! чшо вы изъ меня сдѣлали? Теперь познаю, чшо Черный Годъ мой наспалъ дѣйспвишельно, и чшо Маркубъ пророчиль не совсѣмъ несправедливо! Ахъ! миѣ не надобно было сажать его въ крѣпость на хлѣбъ и на воду; а когда уже посадиль, шо засхавишь бы шамъ не посшишься, но окольшь съ голоду.

Увѣренъ будучи, чшо жалобами не шолько не облегчу своихъ горестей, но еще болѣе расправлю раны сердечныя, я посшарался возобновишь пишавшія прежде мою душу мысли о Кабардинскомъ Князѣ Гиреѣ, о пріязни, съ каковою онъ примешъ во миѣ сына прежняго друга своего Князя Кайшука 24го; о шомъ ополченіи, кошорое

ввѣришь онъ моему предводительству для возвращенія Княжества и Сафиры и грознаго опмщенія врагамъ моимъ.

Представляя себѣ Князей Кунака и Мирзабека, а особливо ненавистнаго Кубаша, ползающихъ во прахъ ногъ моихъ, я приходилъ въ несказанное восхищеніе, принималъ свирѣпый видъ, грозно кричалъ — укоряя ихъ въ вѣроломствѣ, угрожалъ виселицей, а послѣ смягчивъ голосъ, соглашался на униженные просьбы Мирзабека — принимая въ объятія свои Сафиру и даруя ему миръ; соглашался на жизнь Кунака, принявъ его подъ свою защиту въ качествѣ данника; но при мысли о Князѣ Кубашѣ, гнѣвъ мой опять распалялся, и я никакъ не могъ простить его за дерзкое желаніе обладать Сафирою, за желаніе — праведный Макукъ! я приходилъ въ исповство, и грозно указывая на какой нибудь ракеповый или орѣховый кустъ, кричалъ: сей часъ повѣсьте негод-

наго Кубаша на одномъ изъ сихъ
деревъ! —

Опяшь превозжила меня и при-
водила въ смяшеніе мысль: какъ я
предшану въ такомъ нарядѣ предъ
почтенное лице могущественнаго
Гирея? Не почтешь ли онъ меня
безумнымъ, недоспойнымъ другой
помощи, кромъ пущаго сожалѣнія,
и признаешь ли еще за сына своего
друга? словомъ, надежда, даже
увѣренность, сомнѣніе и опчая-
ніе — попеременно колебали душу
мою. Я — или скакалъ съ радостію
по берегу Терека, или шель мед-
ленно, повѣся голову и опустя ру-
ки, — смопря по шому, какія ощу-
щенія меня занимали.

Подъ вечеръ осьмага дня по вы-
ходѣ моемъ на берега Терека, спу-
скаясь съ лѣсистой горы, довольно
высокой для шѣхъ, кои не посѣща-
ли Кавказа, вдругъ увидѣлъ я у по-
дошвы оной большое селеніе, рас-
положенное совѣмъ иначе, чѣмъ
наши Княжештва, и я не могъ со-
мнѣваться, что вижу владѣніе бу-

дущаго друга моего Князя Гирея, — я осмошрѣль себя снова въ спруяхъ Терека сзади и спереди, и сказалъ мужешвенно: хопя, правда, наружнось моя не много добраго обѣщаетъ, но безумень шопъ, кшо смошришь на одну наружнось, и по ней заключаешь обѣ истинныхъ достоинствахъ челоуѣка. Надобно спараго Гирея удивишь разумомъ, въ кошоромъ я, по увѣренію всѣхъ бывшихъ моихъ Совѣтниковъ, имѣю даже излишество.

Расположась по сему, я оспавиль пушеводителя своего рѣку Терекъ, направиль шествіе къ селенію, и дорогою началъ со всѣмъ жаромъ зашверживашъ рѣчь, кошорою намѣревался склонить въ свою пользу Князя Гирея. — Я находилъ ся на высшей степеніи восторга, махалъ руками и спучалъ ногами, — какъ вдругъ изъ-за кустовъ выскочили нѣсколько челоуѣкъ, одѣшыхъ на образецъ Горской, но почши всѣхъ съ бородами, кому лѣша дозволяли имѣшь ихъ. Они закричали

съ радоснымъ воплемъ: Саншонъ! Саншонъ (*)! Какое неожиданное благополучіе! какъ же радъ будешь великокопный Князь Гирей! какъ рады будешь мужья, у коихъ жены безплодны! Саншонъ! Саншонъ!

Съ сими словами бросились они къ ногамъ моимъ, цѣловали пальцы оныхъ и колѣна, и проч. и проч.

Я не понималъ, чего хощѣли ошь меня сіи сумашедшіе, и довольно времени хладнокровно смотрѣлъ на ихъ дурачествва. Они вели меня подъ руки къ жилищамъ, продолжая завывать: Саншонъ, и оказывавъ всевозможныя знаки необычайной радосши. — Въ скоромъ времени показалась еще великая шолпа народа обоого пола и разнаго возраста, бѣжавшая къ намъ на

(*) Во всѣхъ Магомешанскихъ областяхъ Саншононь почитаютъ мужами свяшыми, вдохновенными свыше. Сіи изувѣры суть ничто иное, какъ бѣснующіеся, производящіе всякія мерзости безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти.

всперѣчу, и подобно первымъ съ великимъ воплемъ кричащая: Саншонъ! Саншонъ!

Когда новопрібѣжавшіе насъ дошли, то всѣ совокупно бросились ко мнѣ въ ноги, одинъ другого упреждая, вершѣли меня на всѣ стороны и рвали съ тѣла послѣдніе лоскутья. И сіи по примѣру первыхъ цѣловали меня вездѣ, гдѣ имъ вздумалось, и гдѣ могли достать.

Видя шакое ихъ неистовство, приведшее меня въ крайнее замѣшательство, я вздумалъ сопротавляясь, и самыхъ жаркихъ лобызателей одѣлять исправными оплеухами. — Новое чудо! вмѣсто какого-либо неудовольствія и оказанія гнѣва или мщенія, они съ радостію принимали удары, и наперерывъ подспавляли свои спины, запылки и щеки, лова — такъ сказашь — мѣспа, куда кулаки мои имѣли направленіе. Я счель шакое посшупки насмѣшкою, и разсердился не на шушку, предсшавя

свой санъ и величіе, и невѣжество подданныхъ друга опцовскаго.

Увидѣвъ намѣреніе мое приняшь-ся за оружіе, они опорвали саблю и кинжалъ опъ опояски, схватили лукъ съ колчаномъ, и скрѣпя мои руки своими, продолжали вести далѣе, крича часъ опъ часу радостнѣе. — Попышавшись одинъ разъ имъ попрошевишься, и узнавши невозможность, я успокоился и дозволилъ дѣлать со мною все, что имъ заблагоразсудится, шѣмъ болѣе, что они не причиняли мнѣ никакого оскорбленія, до шѣла опносящагося, а только наскучали своими привѣщствіями и лобызаніями. — Въ продолженіе пуши, слыша ихъ разговоры, я могъ нѣсколько понимать смыслъ, изъ чего заключилъ, что сей народъ долженъ происходить опъ одного съ нами племени. Наконецъ мы достигли селенія, гдѣ встрѣчая насъ шарики и шарухи кланялись низко, просягивали ко мнѣ руки и послѣ цѣловали концы пальцевъ,

давая шѣлодвиженіями знашь, что меня самага цѣлююшь. — Доспигши зданія, показавшагося мнѣ по обширности своей дворцемъ Княжескимъ, впустили шуда, опдали послѣднее почшеніе и удалились, не забывъ запереть двери.

Г Л А В А 24 я.

Гостепріимство.

Оспавшись наединѣ, хотя я имѣлъ довольно времени на размышленіе, однако ничего не могъ размыслишь, а понималъ только, что текущій годъ для меня не шакъ-шо черенъ, и старый Маркубъ солгалъ конечно. — Почшеніе, какое мнѣ оказывали, не имѣлъ я и при блисшательномъ Дворѣ своемъ; а не можешь спашься, чшобъ кто-либо могъ уже провѣдашь о высококомъ моемъ достоинствѣ.

Когда я углубленъ былъ въ шакія размышленія, маленькая дверь опворилась, вошли нѣсколько чело-

вѣкъ и съ несказаннымъ почтеніемъ поставили предо мною корзину съ хлѣбомъ, съ сырой бараниной и шаками же цыпляшами, и кувшинъ съ кобыльимъ молокомъ, какъ сами шущъ же объявили. — Осанишый спарикъ, одѣшый ошъ прочихъ опличнѣе, распоряжавшій сими жершвоприношеніями, сказалъ: ѣшь и пей, боговдохновенный Саншонъ! и подкрѣпи силы свои, постомъ и бдѣніемъ испощенныя. Когда же сонъ станешъ призывашъ себя въ свои обѣщія, се одръ покоя швоего! Юныя и прелесныя изъ женъ нашихъ посшарающа усладишь священныя воспорги швои своими лобызаніями. Великій пророкъ да благословишь тебя!

Сказавъ сіе, онъ поклонился и хошѣлъ выдши. — Почщенный спарець: воззваль я: благодарю тебя и Князя за гощепрімсшво; но оно будешъ для меня гораздо пріашнѣе, когда велишь унесши ошсюда эшу миску и эшошъ кувшинъ, а на мѣсто ихъ принесши другіе съ варе-

ною бараниною и жареными цыплятами, да хорошаго Моздокскаго вина; а оно у васъ — по близости сего знаменишаго города, — должно бышь не диковина.

Спарикъ оказалъ знаки великаго изумленія, однако шопчасъ велѣлъ исполнишь мое желаніе, и поручивъ себя снова моимъ молишвамъ, удалился.

Не заботясь, что не понималъ словъ *Сантонъ* и *великій пророкъ*, я гошовился съ возможнымъ уседіемъ исполнишь желаніе спарца, и когда все шребованное мною принесено было, шо я не сдѣлалъ охулки на свой желудокъ. Никакая мысль меня не занимала. Такъ-шо справедливо, что душа наша шогда шолько дѣйствуешъ сама собою, когда умолкаюшь чувствашелесныя.

Заря вечерняя, блѣднѣя часъ ошъ часу, наконецъ пошухла; ночныя шѣни окружили меня; я опустился на свое ложе, и вскорѣ услышалъ легкій шорохъ, а мину-

шу спустя удостовѣрился, что угошитель мой человекъ правдивый, и крѣпко держится своего слова.

Едва поуспру оставилъ я поспелю, какъ вчерашній спарець со спутниками своими и жертвоприношеніями явился. Онъ совѣщавалъ мнѣ ѣсть и пить, и укрѣплялъ силы свои, и попросивъ благословишь его и упомянушь въ священныхъ своихъ молитвахъ, удалился. Подъ вечеръ онъ пришелъ съ новымъ запасомъ, и послѣ однихъ и тѣхъ же словъ — ушелъ. Ночью также не осмался я безъ посѣщенія; и въ томъ же блаженномъ состояніи, въ такомъ довольствѣ и нѣгѣ провелъ два десятидневія. Всякой разъ у приносившихъ мнѣ пищу и питье спрашивалъ я о Князѣ Гирѣ, но не могъ получить удовлетворительнаго отвѣта. Хозяева и хозяйки мои были весьма гостеприимны, но за то чрезвычайно скромны, и чѣмъ болѣе приспавалъ я къ нимъ съ вопросами по сему предмету, тѣмъ болѣе показывали они

удивленія и даже нѣкопорого не-
удовольствія. Все, что только
могъ я провѣдать, соспояло въ
томъ, что Князь Гирей, хотя
уже довольно спаръ и немощенъ
тѣломъ, но еще здравспвуешъ ду-
шею, что у него много женъ,
много лошадей, много овецъ и ба-
рановъ; что онъ смиренъ, добръ,
и пошому любимъ своимъ народомъ.
Сколько ни просилъ я, чтобы мнѣ
дозволено было его видѣшь, всегда
отказывали, увѣряя, что шого,
безъ нарушенія закона, сдѣлашь не
льзя; ибо во время поста, — ко-
шорый продолжается ровно мѣ-
сяць, — однимъ только Саншо-
намъ прилична ша свобода, кошо-
рою пользовался я въ пищѣ, пишѣ,
и проч.; прочему же народу, не ис-
ключая и самаго Князя, строго
воспрещена. Они начали утѣшашъ
меня, говоря, что еще оспалось
поста только чешыре дни, и что
послѣ сего Князь неопшмѣнно бу-
дешъ ко мнѣ съ вельможами Двора
своего для испрошенія молишвъ и

благословенія. Когда я просилъ ихъ объяснить мнѣ, что такое разумѣюшъ они подѣ словомъ Саншонъ! они вдругъ принимали пасмурный видъ, смотрѣли на меня печально, вздыхали шяжко и уходили пожимая плечами.

Сначала такое загадочное ихъ поведеніе изумляло, но послѣ — я бросилъ о томъ и думашъ, прогуливался по селенію или по саду шого дома, въ кошоромъ имѣлъ приспанище, и гдѣ, кромѣ меня, никого не видно было, почему я и счелъ его страннопрімнымъ домомъ. При поселеніи моемъ въ семь жилищъ, когда шолько я ни появлялся на улицѣ, всѣ встрѣчали меня восклицаніями, привѣтствіями, лобызаніями; но по времени — мало поималу умѣрили свои воспорги, а наконецъ начали даже ошъ меня пряшашъся, и за при дня до окончанія посша — хошя пища и пишье приносимы были по прежнему, но пламенные ночные посѣшительницы болѣе уже не являлись. Я при-

писывалъ по ушавамъ ихъ закона и ни мало не думалъ беспокоиться.

Чуть было не забылъ упомянуть, что на другой день шоржественнаго введенія моего въ сіе жилищъ покоя, Князь Гирей прислалъ ко мнѣ бумажную полосащую рубашку, длиною до колѣнъ, кожаную опояску, съ привязанными къ оной большимъ ножемъ и деревянною чашкою (*); въ семь-то уборъ величался я бродя по селенію.

Наканунъ великаго праздника, копорымъ оканчивался постъ, сидѣлъ я въ самой полдень на порогѣ своего жилища, и забавлялъ себя мыслями о возвратѣ своего Княжества, о полученіи прелестной Княжны Сафиры и о наказаніи дерзкаго Князя Кубаша за его дерзость, какъ вдругъ пораженъ былъ радостными восклицаніями Саншонъ! Саншонъ!

(*) Обыкновенное одѣяніе Саншоновъ.

Г Л А В А 25 я.

Соперникъ.

Выведень будучи изъ сладкой задумчивоспи, я поднимаю голову и вижу: спрашная толпа народа шла поспѣшно къ моему обихалищу. По срединѣ всѣхъ примѣшилъ я маленькаго, худенькаго мужиченка, со включенными волосами на головѣ и бородѣ, одѣшаго почно по моему, съ шою разницею, что плашье мое было цѣло и чисто, а его въ лахмотьяхъ и запачкано. Онъ ахаль руками на всѣ спороны, подпрыгиваль, коверкаля и пѣль самымъ неисповымъ голосомъ. — Эшо конечно бѣшенный, сказалъ я самъ себѣ; но за чѣмъ же и его принимаюшь здѣсь шакъ почно, какъ принимали меня при началъ моего сюда прибышїя?

Когда всѣ приближились, шо Саншонъ, — они не иначе величали сіе спрашилище — ошановилса, проржалъ при раза жеребцомъ, пошомъ, исправя нѣкошорую нужду

при всемъ народѣ, собралъ грязь, и расперши въ рукахъ, началъ комками швырять въ предстоящихъ. Всѣ какъ безумные хващали, что могли схватить, и напирали себѣ лобъ и глаза. Конча сего рода благословеніе, — каковаго видно и ошъ меня ожидали, и сердились не получая желаемого, — Саншонъ пошребовалъ свѣжей баранины и кобыльаго молока. Все немедленно было доставлено, и блаженный мужъ, разсѣвшись на землѣ, началъ шерзашъ зубами мясо и запивашъ молокомъ. Кровь текла по мерзкому лицу его и бородѣ, копорья ошъ времени опиралъ онъ лоскушьями своей рубашки. — Когда кончилъ обѣдъ, то оборотясь къ югу, проблеялъ по бараньему, сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ и подскакавъ ко мнѣ, сказалъ: здравствуй, собрашъ! поцѣлуемся!

Я не зналъ, что ошвѣчашъ сему мерзавцу, какъ онъ подошелъ ко мнѣ весьма близко, разинулъ рошъ и расшопырилъ руки. Я при-

шель въ бѣшенство. Свѣплѣйшему Князю Кайшуку цѣловаться съ шакимъ скаредомъ! — Ахъ, нечестивецъ! вскричалъ я, забывъ всё послѣдствіе, какъ дерзнулъ ты приближиться къ человѣку моего достоинства? — Проговоря сіе, далъ ему шаковую пощечину, что онъ спремглавъ полетѣлъ на землю и раза три перевернулся. Народъ поднялъ ужасный вопль и завыванія, а Саншонъ вскочилъ, и уставя на меня сверкающіе отъ злости глаза, возопилъ: Джіауръ.

Джіауръ! вскричалъ народъ, и бросился ко мнѣ съ неистовствомъ. Меня схватили, связали веревками руки, и поволокли вдоль по улицѣ къ концу селенія. Въспо благословеній и лобызаній, оказанныхъ мнѣ при встрѣчѣ, шеперь при выпроваживаніи не скупились ни на проклятія, ни на побои. Они восклицали при каждомъ шычкѣ: Джіауръ! Джіауръ! какъ осмѣлился ты осквернять землю Кабардинскую?

На самомъ концѣ селенія, примыкаясь къ лѣсу, съ Черныхъ горъ проспиравшемуся, стояла плешѣная изба, вымазанная снаружи черною глиною и служащая шемницею для несчастныхъ, долженствующихъ за шяжкія беззаконія ожидать казни жестокой. Внутри шемницы шой вырыша была яма, довольно уюшная для одного челоувѣка. Она имѣла глубины въ два роста челоувѣка средней мѣры, и дно успланное соломою. — Въ сіе шю убѣжище привели меня, опушили въ яму, и давъ корзину сухихъ хлѣбныхъ корокъ и кувшинъ съ водою, ушли всѣ, не забывъ сдѣлашь мнѣ увѣщаніе, чшобы я не много печалился, и чшо какъ скоро пройдушь при дни праздника, шю и моимъ дѣломъ не замедляшь. Будь благонадеженъ, злой Джіауръ! чшо дней черезъ пяшь шы не будешь уже оскверняшь здѣшній воздухъ своимъ дыханіемъ!

Осшавшись одинъ, въ шемношѣ, я имѣлъ довольно времени и

причинъ къ размышленію. Не лъзя похвалишься днями, проведенными мною въ странствованіи по крутизнамъ Кавказскимъ; но какъ и сравнишь ихъ съ провождаемыми мною въ заключеніи? Тамъ — перескакивая съ камня на камень, перелезая чрезъ громады поверженныхъ бурями и временемъ дубовъ, кедровъ и буковъ, я шertzаль плашье свое, шertzаль свое шъло, шertzаль голодъ и жажду, и все сіе переносилъ съ величайшею швердосцію, ибо сопутницы мои, данные мнѣ богами и природою — безпрешанно меня ушъшали. Они были — *свобода и надежда!* — шеперь уже — лишась присущствія обѣихъ сихъ ушъшишельницъ небесныхъ, я подобно жабѣ или шараншулу, гнѣздился на днѣ моей юдоли, и едва, едва досшавало силъ боролъсь съ раскаяніемъ.

Опышомъ шеперь я дозналъ, сколько горешно, сколько несносно для челошъка лишиться свободы, сего безцѣннаго дара Макуко-

ва; живо чувствовалъ я всю несправедливосшь просшупка моего прошивъ Маркуба и многихъ другихъ, во время Княженія мною обиженныхъ. — Положимъ — говорилъ я, что власшь законная должна обуздывать спремленіе буйства, какъ мы обуздываемъ дикаго коня, но шущь всегда должны бышь присутственны крошосшь и строга я разсмопрительная справедливосшь, а не одно слѣпое киченіе и насильство. — О великій Макукъ! чѣмъ-по кончашся дни моего Чернаго Года?

Судя по скукъ, унынію, горести, мною совершенно овладѣвшими, я провель въ започеніи семь безчисленныя годы; а по словамъ приносившаго мнѣ пищу и пишье, шолько два десятидневія, ибо дѣло мое, по словамъ его, было шакъ запушано, что не вдругъ могло приведено бышь въ ясность.

Однажды въ самую полночь, былъ я выпашенъ на повершность и вздохнулъ свѣжимъ воздухомъ.

Сколько сладокъ онъ мнѣ показался! — При яркомъ свѣтѣ фонаря я увидѣлъ шого самаго шарика, который угощаль меня въ первомъ блаженномъ жилищѣ. Онъ сидѣлъ по срединѣ ковра, а по обѣ стороны его два осанистые мужа съ сѣдыми бородами, въ полномъ вооруженіи, и какъ будто бы гошвились на сраженіе. — Пасмурно они оглядѣли меня всего, попомъ посмошрѣли другъ на друга, и знакомецъ мой, сполько прежде услужливый, сполько привѣпливый, сдѣлался грозенъ непошрно. Взоры его были дики и блуждающи, движенія рукъ беспорядочны, всѣ чершы лица его предвѣщали мнѣ гибель неизбѣжную!

Г Л А В А 26 я.

Кругомъ виноватъ.

Порасправя усы и погладя бороду, онъ прошянулъ ко мнѣ руку и сказалъ прошяжно: радуйся, нечесшивецъ, что заключеніе швое

оканчивается! ты видишь во мнѣ
 верховнаго священнослужителя Ал-
 лы и великаго пророка его Магоме-
 ша, тобою равно оскорбленныхъ
 и равно пребующихъ опмщенія!

При словахъ: священнослужитель
 и мщеніе, ясно представились мо-
 ему воображенію жрецы наши Мар-
 кубъ и Шемела, и хопя я объ Ал-
 ль и Магомешъ сполько же зналъ,
 сколько и о Санпонахъ, однако
 не могъ удержаться, чшобы не
 вздрогнуть.

Священнослужитель Аллы про-
 должалъ: если ты хочешь выдти
 опсюда на мѣсто казни, доспойно
 шебъ угошванной, здоровыми но-
 гами, то выслушай меня шерцѣли-
 во и не осмѣливайся прервашъ ни
 въ одномъ словѣ; въ прошивномъ
 случаѣ за нескромность языка пя-
 ты швои опвѣчашъ будущъ! — Не
 пы ли, окаянный, появившись къ
 намъ въ священномъ видѣ боговдо-
 жновеннаго Санпона, обольспилъ
 умы мужей и сердца женъ? Воз-
 можно ли? самъ владѣщельный пре-

мудрый Князь Гирей чужь не обезумѣль ошъ радости, чшо видишь въ обласши своей шакую драгоценность, низпосланную великимъ пророкомъ въ награду за его благочестіе, крошость, щедросту къ Мулламъ и за всѣ прочія добродѣтели, приличныя Князю боголюбивому! — Самъ я верховный Мулла во всей Черкаси, — не могъ не обманушься свяшою наружностію швоею, богохульникъ! одѣяніе швое было шакъ плѣнительно, движенія шакъ поразительны, чшо и я — клянусь Магомешомъ — ошъ всего сердца лобызаль скверныя швои руки и ноги. — Чшобы доспойно почшишь шполь вождельнаго госпя, благочестивый Князь Гирей немедленно собираешъ Верховный Совѣшъ, дабы вопросишь, какъ приличнѣе приняшь Сантона и содержашъ, чшобы захопишь прожишь у насъ подолѣе, и шѣмъ низвесши горнюю благодать на всю землю, и у щедрого неба испросишь чрезъ милаго ему угодника —

лугамъ нашимъ добрую пашву, женамъ, овцамъ, и кобыламъ плодородіе, и лѣсамъ изобиліе въ ве-
 пряхъ, сернахъ и оленяхъ! по мо-
 ему совѣшу назначено шебъ жили-
 ще — о Алла! проси мнѣ сіе со-
 грѣшеніе! — въ свяшой мечеши, и
 сверхъ довольсшва въ пишіи и пи-
 щѣ, о Магомешъ! чѣмъ мы не по-
 жершвовали! Богохульникъ! шы безъ
 всякаго зазрѣнія совѣсши недосшой-
 но принялъ и продолжалъ прини-
 машъ безразсудно предлагаемое.
 Такъ, вмѣсто освѣщенія избран-
 ныхъ женъ, шы осквернилъ ихъ,
 и вмѣстѣ съ шѣмъ Княжеской и
 всѣхъ ихъ двора его гаремы — од-
 нако меня не могъ шы долго обма-
 нывать. Съ перваго моего посѣ-
 щенія началъ я брашь подозрѣніе
 въ швоей свяшосши, какъ скоро
 услышалъ, что шы опвергаешь
 нищу и пишіе, Саншонамъ споль-
 ко обычныя, а шребуешь вина,
 жареныхъ цыплящъ и вареной ба-
 ранины. День ошо дня сомнѣніе
 мое умножилось, ибо довольно бы-

ло пици для поддержанія онаго. —
 О семъ сообщилъ я благочестивому
 Князю и вельможамъ, и совѣшоваль
 до времени остановишь благоговѣ-
 ніе къ Саншону, пока не дознаемъ
 заподлинно его боговдохновенно-
 сти. Нарочные были посланы въ
 Моздокъ, чшобы умолишь шамошня-
 го главу Саншоновъ осчасшлвивишь
 Кабарду своимъ присушспвиемъ и
 искусишь нашего угодника. При
 всемъ народѣ сдѣлано было сіе ис-
 кушеніе, всѣ видѣли скачки испин-
 наго Саншона и слышали воспор-
 женныя ржаніе и бляеніе, межъ
 пѣмъ, какъ шы, извергъ, поражен-
 ный въ умъ пророкомъ, и мыслию
 о своемъ ужасномъ самозванствѣ,
 начавшемъ открывашься, споялъ
 подобно испукану, и былъ споль-
 ко исполненъ злаго духа, что ко-
 гда божешвенный Саншонъ пред-
 ложилъ шебѣ брашское цѣлованіе,
 шы дерзнулъ — со всею силою дѣй-
 сшвовавшаго въ шебѣ діавола, —
 дашь мужу праведному пощечину,
 ошь коей онъ полешѣлъ на землю,

и ровно три раза перевернулся. — Тупь - то совершенно открылся обманъ, доспойный ужасной, безпримѣрной казни! о Джіауръ прокляшый! хопя и не слѣдовало бы — продолжалъ Мулла послѣ нѣкошораго молчанія, — распросшраняшся съ шобою далѣе, но премудрому Князю нашему Гирею сродно было повелѣшь намъ изслѣдовашь до прима, чшо побудило тебя — гнѣвъ ли и мщеніе, или презрѣнное корыслолюбіе — нареши себя, выдашь въ народѣ, назвашь и наименовашь Саншономъ, и шѣмъ поколебашь спокойствіе счастливаго народа Кабардинскаго? — Теперь не подвергая пяшь своихъ испязанію, можешь опвѣчашь шы, и опвѣчай не обинуясь.

Признаюсь откровенно, чшо сначала объясненія Муллы о близкой моей казни пошрясло во внушренности моей *то*, чого не пошрясали рыкающіе громаы и ослѣпляющія молніи, самовласпно правящіе вершинами Кавказа съ его про-

паспиями, льдами и снѣжными долинами. Этому *то* — я и до сихъ поръ не знаю настоящаго имени, но что *оно* есть во мнѣ, это я чувствую. Изъ сего постигаю, что можно чувствовашь не понимая, но не знаю, можно ли понимашь не чувствуя. — Какъ бы то ни было, шолько вдругъ за объясненнымъ чувствомъ разлилось во мнѣ — въ душъ или шѣлъ, также не утверждаю, — спремисельное, непокорное, незнакомое чувство, кошорое говорило, вопіяло во мнѣ: забудь на время, что ты урожденный Князь и названный первосвященникъ; помни шолько, что ты одинъ изъ сущесшвъ, называемыхъ человекъми! Кто тебя спрашиваетъ? кто грозитъ тебѣ смершю? по видимому шакой же человекъ и — не болѣе! Ошвѣчай же ему досшойнымъ образомъ!

Внимая голосу невидимаго духа-хранишеля, голосу благодѣтельнаго Макука, я пребылъ нѣсколько мгновений въ молчаніи, что конеч-

но причшено было самопризнанію въ пресшупленіи и шрусосши, ибо взоры и движенія Муллы и его шоварищей шо доказывали. Но бодрость моя скоро возврашилась, сердце забило въ грудь подобно молшу, кровь закипѣла, я опвѣчалъ: безумный Мулла! знаю родъ вашъ, испышалъ коварства ваши, и если не удалось мнѣ опмспишь за себя злобнымъ поклонникамъ Макука и Кукама, шо исполню шо надъ изувѣромъ, упоминавшимъ мнѣ про какого шо Магомеша!

Когда я произносилъ съ звѣрствомъ слова сіи, шо мечъ одного изъ Вельможъ, сидѣвшихъ по шоронамъ Муллы, уже былъ испоргнушъ изъ ноженъ своихъ, и съ быспропою молніи поражалъ несчастныхъ. Нѣсколько ударовъ — и они всѣ шрое были уже раздробленные шрупы. Видя ихъ безъ движенія, я ошановилъся — дабы размыслишь, что мнѣ послѣ шакого подвига предпріяшь должно было.

Г Л А В А 27 я.

Нечаянная помощь.

Въ погдашнемъ положеніи моемъ не легко было вдругъ на что-либо рѣшиться, а малѣйшее промедленіе грозило мнѣ очевидно, ужаснѣйшею гибелью. — Шутка ли шолько? осужденный на казнь, предаешь смерти проихъ судей своихъ, въ числѣ коихъ былъ и верховный священнослужитель Аллы! Но какъ мнѣ и предпрять что-либо? почти нагъ, съ одною саблею въ рукахъ, шощъ и слабъ, безъ денегъ и знанія мѣспъ, — куда обращаюсь я? кто дастъ мнѣ убѣжище? не вѣрнѣ ли, что всякой со мною встрѣпившійся или умершвишь, или возьмешь въ плѣнъ, и тогда самая ужасная, поносная смерть истребишь опъ лица земли послѣднюю опрасль дома великаго!

Но какъ и умирашь на свободѣ, подъ опкрытымъ небомъ, въ виду, шакъ сказашь, всей природы, съ

оружіемъ въ рукъ, гораздо сносиѣ, чѣмъ въ мрачной ямѣ, безъ всякихъ свидѣтелей, или на площади, въ окруженіи одними клянущими врагами, — то я, примѣня сквозь щель плешеной моей шемницы, что упренняя заря гошовишя озлашишь Кабардинское небо, рѣшилса бѣжашь, куда поведущь глаза и понесущь ноги, и призвавъ въ помощь Макука и Кукама, подошелъ къ дверямъ; но едва хошѣлъ опворишь ихъ, какъ услыша тихіе голоса, съ шрепешомъ ошановилса.

Спѣши, вѣрная, любезная Файга! вошь веревка, помощію кошорой можно вышацишь изъ ямы милаго Саншона. Скажи ему, чшобы за шобою послѣдовалъ, иначе первые лучи восходящаго солнца освѣшяшь шрупъ его расшерзанный! Ахъ, какъ буду я счастлива, когда великій пророкъ спасешь его для шпрасшной Халиды! спѣши, вѣрная любезная Файга!

Мнѣ показалось, что сей плачевный, но вмѣспѣ сладосшный го-

лось не въ первый разъ уже слышу. Исполнясь надежды, и сопутника ея — сладкаго увѣренія, что я не совсѣмъ еще погибшее швореніе, и что естъ еще подъ солнцемъ душа, дорожащая моею жизнію — спремительно отперъ двери, и видя у самаго входа двухъ женщинъ, по видимому ошоропѣвшихъ отъ неожиданнаго моего появленія, сказалъ: не превожься, благодѣштельная Халида! послушный Саншонъ со всѣмъ довѣріемъ предаешся руководству швоей Файги. Ведите меня, куда знаете! время дорого; заря занимается, и солнце не замедлишь показаться!

Халида не отвѣчая ни слова, взяла меня за руку и повела; Файга слѣдовала за нами. Обходя мимо селенія, мы скоро оставили его позади себя и очутились въ лѣсу, покрывающемъ отропки Черной горы. Заря освѣшила небосклонъ, солнце готовилось разлишь и свѣшь и жизнь на всю природу, какъ очутились мы на одной небольшой

лужайкѣ; на коей спяло нѣсколь-
ко низменныхъ хижинъ, по обык-
новенію изъ плетня сдѣланныхъ. —
Мы вступили въ одну изъ нихъ,
и нашли хопя пустою, однако
снабженною всѣмъ необходимымъ.
По серединѣ лежала новая цинов-
ка; въ углу разоспано было нѣ-
сколько оленьихъ кожъ, и пому
подобное.

Тутъ спасительница моя въ
первый разъ промолвила: ты поку-
да въ совершенной безопасности,
любезный Саншонъ. Хижины сіи
суть зимнее жилище для спадъ
нашихъ, а эшотъ домикъ есть для
погдашняго времени пристанище
моего мужа, одного изъ первыхъ
вельможъ при дворѣ Князя Гирея.
Льпомъ никто сюда не заходитъ,
и ты совершенно воленъ здѣсь дѣ-
лать что захочешь, только оспе-
регайся заходить далеко, ибо мо-
жешь встрѣдись съ Кабардински-
ми паспухами, и вшорично под-
пасъ такой же бѣдѣ, изъ какой я
по счастію себя шеперь избавила.

Признай во мнѣ одну изъ тѣхъ не-
знакомокъ, коихъ жребій посылалъ
къ тебѣ въ храмъ, и которую ты
прокрадко осчастливилъ приня-
шемъ въ свои объятія. Хотя без-
божный Мулла и увѣрялъ почти
всѣхъ мужей нашихъ, что ты
ложный Саншонъ и достоинъ тяж-
кой смерти, однако я первая дер-
жусь старыхъ мыслей, и охотно
вѣрю, что ты мужъ свяшой, и на-
мѣрена, сколько возможно долѣе,
набираться ошъ тебя спаситель-
ной силы, не раздѣляя съ подруга-
ми своими сего счастья!

Сказавъ слова сіи, Халида ски-
нула покрывало, и я — хотя не
ослѣпленъ былъ ея прелестями,
однако могу сказать, что она спо-
ила имени прекрасной женщины.
Она была въ половинѣ женскаго
вѣка; розы на щекахъ ея были въ
полномъ, яркомъ цвѣтѣ; глаза бли-
стали, какъ двѣ звѣзды на чистомъ
небѣ; словомъ, я движимый благо-
дарностію, и пронувый преле-
стями — не удержался, чтобы не

упасшь къ ногамъ ея, и не осыпашь рукъ жаркими поцѣлуями. За шаковой образъ изъясненія моеи чувствительности, она опвѣчала нѣжными ласками, и шихонько шепшала: милой Саншонъ! какъ я надѣюсь бышь счастлива, что спасла тебя!

Когда солнце явилось уже выше швердынь Кавказскихъ, онѣ поспѣшно удалились. Халида обѣщала какъ можно скорѣе прислать ко мнѣ вѣрную Файгу съ нужными съѣсными припасами, и къ ночи — если злочесливый мужъ ея, впавшій въ одинакую ересь съ Муллою на счесть моего саншонства, пробудеть въ оплучкѣ — навѣспишь меня лично и попросишь о благословеніи. —

По ихъ выходѣ разлегся я на оленьихъ кожахъ, и послѣ столькихъ ночей, въ ямѣ проведенныхъ безъ малѣйшаго покоя, уснулъ сномъ глубокимъ.

Г Л А В А 28 я.

Разборчивая жена.

Я пробуженъ былъ лошадинымъ попомомъ, что меня удивило и испугало. Мнѣ представилось, что слѣды мои открыты, и что цѣлое воинство раздраженнаго Князя прискакало за мною, и что нѣтъ уже никакого спасенія. — Когда я находился въ нѣкоторомъ окаменѣннн, дверь отворилась, и въ храмину мою вошла смущенная, встревоженная Халида съ своею Файгою.

— Минуты дороги, сказала она запыхавшимся голосомъ, ты и здѣсь не можешь быть совершенно безопаснымъ. Выслушай! когда я спасла тебя отъ предстоящей ужасной казни, имѣвшей состоять въ расперзаннн чешырьмя дикими конями, то мнѣ и на мысль не приходило, что ты убійца моего мужа. Какъ скоро съ Файгою прибыла я въ домъ свой, то почти въ ту же минушу воины, отпращенные Княземъ привести тебя изъ шемницы на мѣсто казни, внесли окровав-

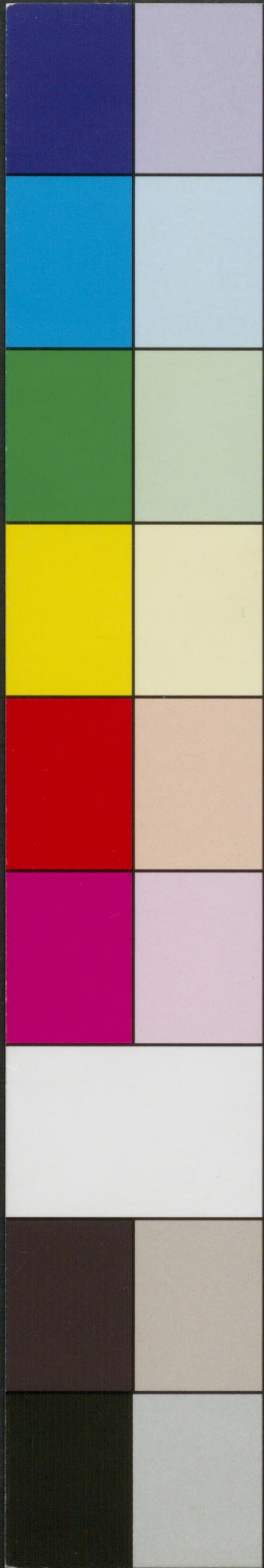
ленный шрупъ моего мужа, и объ-
 явили, что сіе было швое дѣло.
 Хотя покойникъ былъ спарикъ сла-
 бый и несносный, но все великій
 пророкъ не оставитъ безъ жесто-
 каго ошмщенія, если въ объяшія
 свои приму его убійцу. — Изъ се-
 го поступка швоего не должна ли
 я увѣришься, что ты и подлинно
 принялъ на себя припворно свяшое
 лицо Саншона; а пошому всякая
 склонность къ тебѣ — была бы
 уже неизвинительна. Вся Кабарда
 въ ужасномъ смяшеніи и кипишь
 ошмщеніемъ. Думаю, что Князе-
 вы шѣлохранители разосланы бу-
 душъ по всемъ угламъ владѣнія,
 дабы поймашь тебя. Но какъ я
 клялась подашъ тебѣ все способы
 къ спасенію, шо и должна сдер-
 жашъ свою клятву. Мы съ вѣрною
 Файгою привезли тебѣ, сколько
 могли, съѣснаго, чтобы ты не
 умерь съ голоду. Сверхъ шого най-
 дешъ ты въ нашихъ вьюкахъ пол-
 ное охошничье плашье моего му-
 жа, лукъ съ колчаномъ спрѣль,
 саблю и кинжалъ, къ чему приба-

вила я мѣшокъ съ юзлуками. Какъ скоро ты не Саншонъ, то оружіе и деньги всегда и вездѣ для тебя необходимы. Ты можешь располагать собою какъ заблагоразсудишь. Уйдешь — шакъ хорошо; а попадешься — я не отвѣчаю пророку за смерть твою. Въ первой мечети совѣшую тебѣ смиренно покаяться въ пѣжкомъ грѣхѣ, что назвавшись Саншономъ, ты причинилъ мнѣ и всѣмъ женамъ, бывшимъ у тебя въ извѣстномъ мѣсѣ, великія хлопоты. Посуди самъ: — чтобы послѣ тебя сдѣлалась намъ опять чистыми и къ чему нибудь годными, каждая изъ насъ должна прижды три раза удостоиться благословеній отъ истиннаго Саншона. Теперь у насъ пребывающій старъ и дряхль, шакъ скоро ли въ силахъ будешь очистишь всѣхъ, шобою запятанныхъ? Молодые же скоро ли — безъ особаго вдохновенія зайдуть въ сторону, псчишаемую ими пущынею? У нихъ и безъ насъ до-

вольно грѣшницѣ! Но, благодареніе пророку! я богата! споишь създишь въ Моздокѣ, а много, что въ Аспраханѣ; шамъ въ Сансонахъ недоспашка не бываешь, и надѣюсь, что за сходную плашу получу девашью девашъ разъ очищеніе ошъ грѣха, ко мнѣ ошъ тебѣ прилипшаго. Прощай! милосердый Алла да соблюдетъ тебя здрава и невредима!

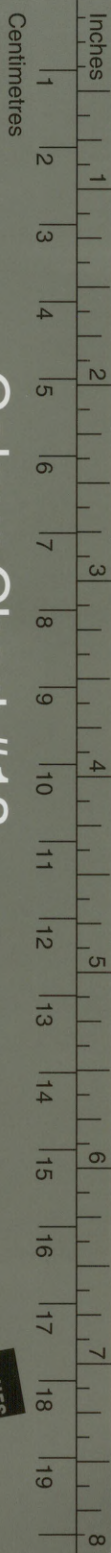
Проговоря сію диковинную рѣчь, она вышла съ Файгою, обѣ сложили на праву вьюки съ лошадей своихъ, вскочили на нихъ, и — скоро скрылись изъ виду. — Зная, что медленіе будешь для меня гибельно, потчасъ одѣлся въ плашь Черкеса, вооружился, запрягаль мѣшокъ съ юзлуками за пазуху, взялъ подъ мышку кису со съеспными запасами и пустился со всѣхъ ногъ куда глаза глядѣли.

Конецъ первой Части.

Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black

Colour Chart #13

176

ь! Но, благодаре-богаша! споишь оздокъ, а много, нь; шамъ въ Сан-шка не бываетъ, за сходную плашу девять разъ очи, ко мнѣ опъ те-
 Прощай! милосер-юдешъ себя здра-
 с ію диковинную а съ Файгою, обѣ ву вьюки съ лоша-чили на нихъ, и — изъ виду. — Зная, дешъ для меня ги-одѣлся въ плашье кился, запряталъ уками за пазуху, ку кису со съѣш-и пущился со глаза глядѣли.
 ервой Части.

